

АМЕРИКА

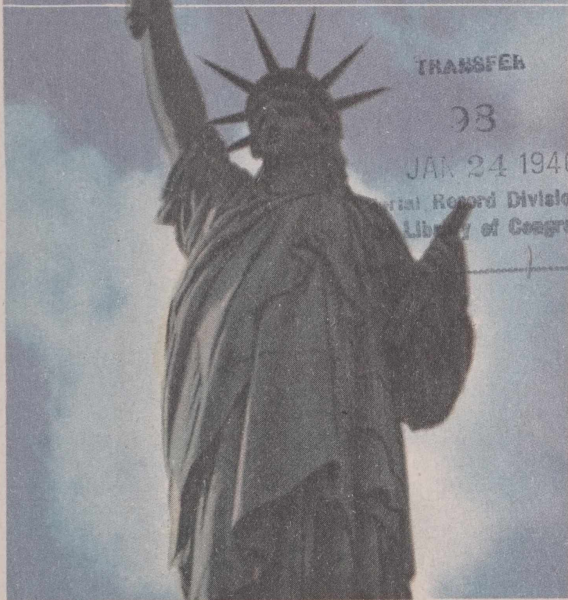
№ 4

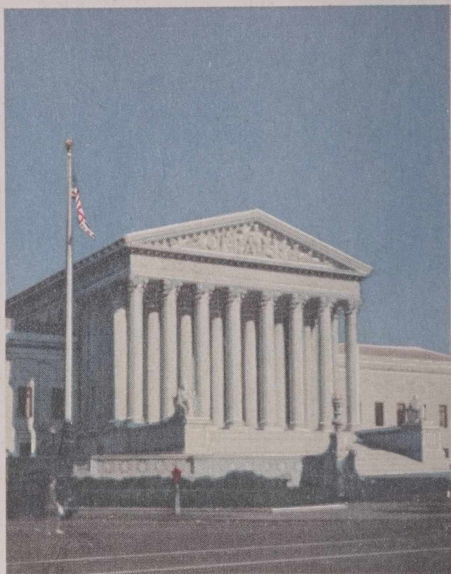
TRANSFER

98

JAN 24 1946

Serial Record Division
Library of Congress

ЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА
ВЫСШЕЕ СУДЕБНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ США

АМЕРИКА № 4

Популярное обозрение Соединенных Штатов

СОДЕРЖАНИЕ

Гималайский горб	Теодор Уайт	1
Первый американец в Сибири	Хелен Огюр	10
Американский флот в бою	Рой Пепербург	16
Юмористические рассказы	Виллиам Лас	25
Правительство США	Редакция	30
Мое новое зрение	Гектор Шевиньи	35
Первые люди в Америке	Франк Гиббен	43
Стивен Фостер	Джон Говард	52
Оптические инструменты	Роберт Фелд	57
Американец за книгой	Ишбель Росс	60
Винслоу Хомер	Томас Крэвен	64

ГИМАЛАЙСКИЙ ГОРБ

ТЕОДОР УАЙТ

Перепечатка из журнала «Лайф»

ГОРБОМ» прозвали трассу, проложенную через Восточные Гималаи и леса Бирмы людьми предприимчивыми и отважными. По этой небесной дороге, длиною в 890 километров, летают самолеты Китайского и Индийского Дивизиона Отдела Транспортной Авиации американской армии и Китайской Национальной Корпорации воздуш-

ных путей сообщения, доставляя грузы из Китая в Индию.

Эта служба, рожденная в час острой нужды, выполняет свою работу настолько эффективно, что это будет иметь глубокое значение и для послевоенного периода. Но главное в том, что эта служба помогла Китаю в борьбе.

Служба «Гималайского горба» перевезла по своей трассе боль-

ше грузов, чем любая другая авиационная служба. На этой трассе действует больше самолетов, чем на любой линии гражданской авиации во всем мире, причем летают эти машины через самую суровую гористую местность на всем земном шаре.

Поднимаясь со своих баз в Ассаме, в северо-восточной Индии, самолеты сперва берут курс на северо-восток. Набрав высоты, пилот имеет на выбор несколько маршрутов, в зависимости от метеорологической обстановки, времени дня и степени активности вражеской авиации.

Если летчик избирает классический маршрут, ведущий из верхнего Ассама к Юннанскому плоскогорью, он сперва пересекает Мишимисские горы, высотой от 3.600 до 4.200 метров.

Затем он перелетает долину Кхуконга и дорогу Лидо и далее идет через Форт-Гертс и желтовато-коричневые луга верхней Иравади. Далее он переваливает Кауликунскую гряду, местами достигающую 4.500 метров высоты и обрывающуюся в глубокой теснине Сальвина.

ПОСЛЕ Сальвина начинается «Большой горб» — великий водораздел между Сальвином и

Меконгом. Здесь требуется все искусство летчика, ибо если он заберется слишком далеко к северу, путь ему преградят горы высотой до 6.000 метров.

Оставив позади этот участок трассы, летчик летит вплоть до озера Тали, днем похожего на сверкающую стрелу, а ночью отливающего звездным мерцанием. Это озеро служит ему ориентиром к одному из аэродромов на Юннанском плоскогорье, лежащем на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря.

По мере продвижения союзных войск на юг, где горы менее высоки, летные условия становятся более благоприятными. Когда полностью возобновится сухопутное сообщение с Китаем, служба «Гималайского горба» будет заниматься перевозкой более легких, срочных грузов.

ПОДРОБНОСТИ возникновения службы «Гималайского горба» утеряны в суматохе, сопровождавшей вступление Соединенных Штатов в войну. В 1941 году Китайская Национальная Корпорация воздушных путей сообщения произвела пробные полеты по курсу этой трассы. Поражение союзников в Бирме весной 1942 года привело

к изоляции Китая и неожиданно сделало исключительно важным установление регулярного воздушного сообщения между Индией и Китаем.

Но даже бригадный генерал Олд, первый американский пилот, совершивший перелет по этой трассе, не может припомнить, когда именно, 9 или 10 апреля 1942 года, он впервые провез свою машину над «Гималайским горбом». Он вез строго секретный и сверхсрочный груз. Это было горючее для самолетов американского генерала Дулитля, опустившихся на территории Китая после первого налета американской авиации на Токио.

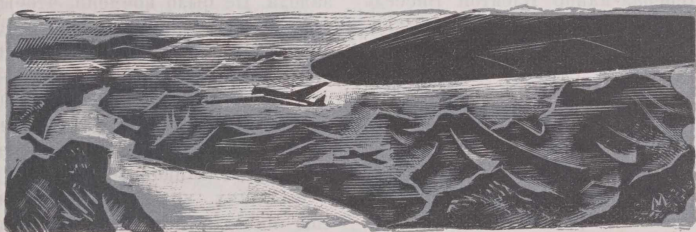
Ведя по новой трассе десяток старых грузовых самолетов, Олд и другие пилоты должны были преодолевать самую опасную горную цепь в мире, помогать Китаю, доставлять боеприпасы генералу Джозефу Стиллвелу, ко-

торый тогда командовал китайскими войсками в Бирме, и вывозить раненых с фронта.

Летчики в ту пору летали, не имея ни метеосводок, ни навигационных приборов, ни надлежащих посадочных площадок, аэродромного оборудования, радиосвязи. Они стартовали по приборам и летели по компасу.

Исходный аэродром в Ассаме был переполнен английскими транспортными самолетами, «Могауками», американскими машинами, грузовыми самолетами компании «Американ Эрвейс» и пассажирскими машинами.

Офицеры и солдаты обитали в глинобитных хижинах с земляным полом. Света не было, паек состоял из английских сухарей. Единственный на всю службу будильник принадлежал лично генералу Олду. В три часа тридцать минут утра генерал будил каждого в отдельности и гнал на лет-

ное поле. Шестнадцатичасовая вахта прерывалась лишь чтобы проглотить бутерброд и глотнуть горячего чаю. Японцы непрерывно висели в воздухе.

Вся оборона службы «Горба» была представлена двумя истребителями «Р-40», которые дал взаймы генерал Клэр Шеннолт, командующий четырнадцатой американской авиационной эскадрой, и двумя истребителями «Р-43», взятыми взаймы у китайцев. В мае 1942 года общий вес грузов, доставленных по воздуху в Китай, составил 80 тонн, в июне—106 тонн, в июле—85 тонн.

Уже к августу стало ясно, что сухопутная дорога на Бирму отрезана надолго, что Китай плотно блокирован противником и что снабжать Китай можно исключительно по воздуху. Тогда же, в августе, на должность руководителя новой службы был назначен генерал-майор Клейтон Биссель из десятой авиационной эскадры американской армии. Объем перевозок службы стал расширяться.

О СОБАЯ авиационная эскадра генерала Шеннолта в Китае требовала все больше припасов. К осени через Гималайские горы

доставлялось уже по 600 тонн груза в месяц. Период прокладывания трассы остался позади, и из ведения десятой эскадры трасса «Гималайского горба» была передана в декабре 1942 года в ведение Управления воздушных перевозок американской армии.

В течение 1943 года работой на трассе руководил бригадный генерал Эдуард Александер, человек словно созданный для такого труда. Персонал все еще жил в обстановке грязи и тесноты. Нехватало времени для личного устройства. Надо было строить аэродромы и выбрать наиболее подходящий вид транспортных машины.

Выбор Александера пал на новый самолет «Кертис С-46» — двухмоторную, толстобрюхую и уродливую машину. Она только-что начинала сходить с конвейера американского авиационного завода. Не было времени, чтобы ее испытать, накопить нужный предварительный летный опыт и определить потребность в запасных частях. Самолеты поступали прямо с завода и испытательным полетом для машины являлся уже сам эксплуатационный полет.

В таких условиях летчики еще никогда не работали. Они

испытали на своей шкуре все климатические особенности Индии и Гималаев: пыль, неимоверную жару, полет с предельной нагрузкой на высоте, превышающей допустимые нормы грузового полета, при максимальной скорости набора высоты против резких ветров и грозных бурь.

Наиболее delicate части машины начинали сдавать сразу же, и таким темпом, которого нельзя было предвидеть на основании имевшегося опыта. Люди гибли в воздухе и на земле, изучая свои машины, устраняя их недостатки, накапливая всесторонний опыт в острой военной обстановке.

КОГДА сильно возросли заявки на боеприпасы со стороны эскадры генерала Шеннолта и китайцев, снабжавшихся через «Гималайский горб», во главе этой службы была поставлена опытная группа людей из Отдела Транспортной Авиации экспедиционных сил в Африке.

Генерал Александер, целый год трудившийся из последних сил, отправился на отдых. Генерал-майор Гарольд Джордж, начальник заграничных операций Отдела Транспортной Авиации, перенес свой штаб в Нью-Дели и

поставил во главе службы гималайской трассы бригадного генерала Эри Хоуга.

Хоуг возглавлял эту службу с октября 1943 года до марта 1944 года. К началу 1944 года объем перевозок через «горб» удвоился в сравнении с прошлым годом, и президент Рузвельт представил службу к награждению.

В марте 1944 года генерал Хоуг был переведен в Европейский отряд Отдела Транспортной Авиации, а начальником гималайской трассы был назначен бригадный генерал Томас Хардин, тоже ветеран службы воздушных перевозок на американском театре.

Выжимая все соки из самого себя и из своих подчиненных, Хардин довел объем перевозок до невероятного уровня. Он перевел гималайскую трассу на ночные полеты, то есть на круглосуточную работу. Число аварий и людских потерь быстро возросло, но кривая смертности поднималась менее круто, чем кривая объема перевозок. Работа персонала на разных аэродромах трассы была переведена на основы соревнования. Люди стали следить за ежедневными сводками полетов с таким же ажиотажем, с каким когда-то

они изучали таблицы спортивных результатов. Из дня в день ставились все новые и новые рекорды.

НО требования непрерывно возрастали. Эскадра Шеннолта передвигалась со своими базами все дальше на восток, патрулируя побережье Китая в борьбе с японским судоходством. План применения сверхмощных «Летающих-крепостей» В-29, этих новейших и самых больших четырехмоторных бомбардировщиков, для налетов на территорию собственно Японии, налагал новые обязательства.

Весною 1944 года японцы проникли в долину Имфала с целью перехватить сухопутную коммуникацию, по которой шло снабжение службы гималайской трассы. Эти новые чрезвычайные обстоятельства заставили службу сократить свои потребности до предела. Пришлось доставлять самые необходимые грузы в разные пункты непроходимых джунглей, и летчикам снова нужно было проявить величайшее искусство.

Летом 1944 года Китайско-Индийский отряд был вторично представлен к награждению, на сей раз генералиссимусом Чан-

Кай-Ши, за помощь оказанную Китаю. К августу 1944 года объем перевозок через «горб» достиг нового рекордного уровня — 23 тысячи тонн.

В сентябре 1944 года начальником службы был назначен бригадный генерал Уильям Тоннер, а генерал Хардин возвратился в Соединенные Штаты, по месту назначения.

Солдаты, дипломаты, «виллисы», бомбы, грузовики, санитарные машины — одним словом все, что можно уложить в груз, весом не более четырех тонн, — все это перевозилось через «гималайский горб».

НА обратном пути в Индию доставлялись раненые с фронта и разные военные материалы для Соединенных Штатов и Великобритании. Тут было олово, свиная щетина, вольфрам, залежи которого особенно богаты в Китае. Их грузят на транспортные самолеты и доставляют в Индию, откуда их везут дальше по железной дороге или на судах, а иногда тоже по воздуху, для удовлетворения срочных нужд Объединенных Наций.

Для экономии веса с самолетов на гималайской трассе убрали отопительные приборы: зимой

температура в этих алюминиевых коробках падала до 20-40 градусов ниже нуля. Очень часто во время полетов по этой трассе ледяная корка на крыльях машин образовывалась с такой быстротой, что в течение каких-нибудь пяти минут машина теряла свою грузоподъемность и камнем падала в джунгли.

Летом самолеты летали сквозь сплошную черную стену тропических ливней, пробирались сквозь ветры, которые играли тяжелым воздушным кораблем, словно перышком.

На этой трассе бывают воздушные течения, от которых самолет бросает в головокружительные виражи. Пилот изо всех сил прижимает машину к земле, а ветер и тучи вдвое быстрее подбрасывают ее вверх; бывает и наоборот, а это еще хуже. А к этому добавляются японские истребители, сейчас, правда, менее многочисленные чем раньше, но попрежнему представляющие угрозу.

ЖИВЯ как собаки и летая как дьяволы, летчики гималайской трассы приобрели какие-то, им одним присущие, черты. Их рассказы — это часть сказания о «Гималайском гор-

бе». Они расскажут, например, о том, как в первые дни некоторые ребята бомбили Ханой старинными фугасными бомбами, которые тут же на борту самолета поджигались и вручную сбрасывались через боковую дверь двухмоторного транспорта.

Был случай, когда самолет открылся ледяной коркой, имея на борту китайских солдат, не снабженных парашютами. Пилот принял решение садиться на «живот», но предварительно приказал радисту и второму пилоту выбраться на парашютах.

Оба они приземлились в тропическом лесу и в течение пятнадцати дней пробивались через его дебри, пока, наконец, их не нашли дружелюбно настроенные туземцы. Добравшись до населенного пункта и установив связь с командованием, они узнали, что пилоту удалось выправить ход машины и благополучно дотянуть до базы.

На поиски затерявшихся машин посылают специальные спасательные эскадрильи. Как только удастся обнаружить потерпевший аварию экипаж, между землей и воздухом устанавливается радиосвязь, самолет сбрасывает продовольствие и боеприпасы. После этого машина

изо дня в день висит над этим местом, направляя людей к выходу из джунглей, к безопасности.

ПОТЕРИ среди летного персонала гималайской трассы были высокими. Вместе с тем напряженный труд эксплуатации этой трассы падает не только на долю летчиков. Весь персонал гималайской трассы, в том числе служба снабжения, которая ведет огромной работой по доставке и распределению припасов и материалов для авиационных баз, подвергается огромному умственному и физическому напряжению.

Эти люди страдают от летнего зноя Ассама и малярийных комаров, пот стекает у них с лица прямо на столы и бумаги. Не хватает ни лезвий для бритья, ни мыла, ни книг и журналов. Им не остается ничего иного в краткие минуты отдыха, как играть у себя в казармах в незатейливые карточные игры.

Не удивительно, что в такой обстановке некоторые люди не выдерживали. Иногда летчика постигает переутомление от чрезмерной рабочей нагрузки, от недостаточного питания и сна. В этих случаях ему предоставляют

отпуск, а иногда разрешают съездить на побывку на родину.

Бывает и так, что после двух-трех полетов через «горб» летчик сдает. Для гималайской трассы нужны люди крепкие, но при этом им обеспечено отличное медицинское обслуживание.

Это дело поставил майор медицинской службы Дональд Флинкнгер, один из самых опытных американских военных врачей, который разработал целую систему.

Однажды ему пришлось на парашюте спуститься в местность, обитаемую так называемыми «охотниками за черепами», чтобы оказать помощь пострадавшим летчикам и пассажирам и сопровождать их на всем их долгом пути выхода из опасного района.

ДЕСЯТКИ таких людей, в большом и в малом, обеспечивают работу на гималайской трассе. Кое-кто не выдерживает, но большинство доводит дело до конца. У них даже появилась особая повадка, оттого, что они привыкли при всех злоключениях не опускать голову.

Эти люди «Гималайского горба» дерутся с японцами, с джунглями, с горами и муссонами,

днем и ночью, каждый день и каждую ночь в течение каждого года. Они знают только одно слово—самолет. Они вечно слышат гул моторов, они летают на машинах, ремонтируют их, проклиная их. Но им никогда не наскучивает провозжать в полет машину, отправляющуюся в Китай.

Красный луч аэродромного маяка из конца в конец прорезает летное поле. Летчик, ведя машину во мраке, уверенной рукой набирает скорость. С бешеной

быстротой самолет мчится по стартовой дорожке. Красные и зеленые огоньки на кончиках крыльев и на хвосте образуют три сверкающие черточки, которые ложатся параллельно горизонту ночного неба. С необычайной мягкостью летчик оттягивает на себя ручку, и—самолет в воздухе. Он проносится мимо маяка. Летчик выключает наружные огни, и самолет одиноко летит по своему пути, через «Гималайский горб», в Китай.

Водяной нож

Группа техников северо-западного района США построила машину, которая снимает кору с деревьев, не затрагивая при этом древесину. Машина позволяет уменьшить на 6 процентов объем вырубki леса при заданном весе заготовки древесины. Машина представляет собой особый вид гидравлического станка. Устроен он просто и работать на нем легко. Стальной резец в машине заменен струей воды, действующей под большим давлением. Этот «водяной нож» направляется на вращающийся в станке ствол и снимает с него кору. Одна такая машина очищает от коры до ста стволов в час. В нее входят стволы диаметром более метра и длиной до шести с половиной метров. Лесная промышленность занимает важное место в хозяйстве США и эту машину успешно применяют на тихоокеанском северо-западе, в штатах Вашингтон и Орегон, в центральных штатах особенно в Висконсине и на северо-востоке в штате Мэн.

ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ В СИБИРИ

ХЕЛЕН ОГЮР

В НАЧАЛЕ 1787 года в Санкт Петербург приехал молодой американец Джон Ледиард. Он собирался объехать вокруг света по суше. Почти все считали его попытку безумной и обреченной на неудачу. Но Ледиарда поддержали его влиятельные друзья Томас Джефферсон и Лафайет.

Последний в шутку заметил, что Ледиард поехал в Россию с багажом, состоящим «лишь из одной смены белья, а денег и того меньше». Тем не менее молодой путешественник решил пересечь екатерининскую империю от Петербурга до Камчатки, оттуда со звероловами доплыть до северо-западного побережья Америки и, пройдя пешком около 4.500 верст по неисследованным

глухим краям, достичь атлантического берега.

Ледиард слыл отважным искателем приключений. К 35 годам он успел исколесить значительную часть земного шара, и из своего опыта он вывел, что честный человек всюду встретит себе подобных. В России, как он выразился, «гостеприимство столь же широко распространено, как и сами люди».

Согретый радушием русских людей, Ледиард проделал путь через всю Европейскую Россию и большую часть Сибири, вплоть до Якутска. Дорогой он подробно заносил в путевой дневник свои наблюдения над природой края, нравами и обычаями местных племен, встречами с ссыльными и ездой в кибитке.

В пылком воображении Ледиарда уже за несколько лет до этого возник план исследования американского материка. Путешествие через Евразию должно было сыграть важную роль в осуществлении этого плана, но ему не суждено было его выполнить.

Несколько лет спустя его заветную мысль воплотила в жизнь экспедиция Луиса и Кларка. Пламенного пророка «Америки от океана до океана» быстро забыли даже в его собственной стране. А между тем все народы должны были бы хранить благодарную память об этом человеке, проникнутом гуманностью, которая и лежала в основе его смелых предприятий.

ЛЕДИАРД родился в штате Коннектикуте в состоятельной семье, но сам никогда не был богат. Он не добился громкой славы, он работал упорно и незаметно на благо молодой республики.

Еще в ранней молодости Ледиард покинул университет и поселился среди индейцев. Так началась его богатая приключениями жизнь. С этого времени и навсегда Ледиард сохранил любовь к примитивным народно-

стям. Обладая природной наблюдательностью, он первый выразил уверенность в том, что все индейцы Северной Америки принадлежат к одному племени и являются выходцами из Азии.

Незадолго перед американской войной за независимость, в 1776 году, Ледиард участвовал в тихоокеанской экспедиции капитана Кука, открывшей несметные пушные богатства Алеутских островов и северо-западного побережья Америки.

Вскоре слава о пушнине дальнего края разнеслась по всему миру и привлекла предприимчивых людей всех национальностей. Покупая за гроши дорогие меха, заморские купцы перепродавали их за баснословные цены в Китае. Между прочим, путь на Алеутские острова и в Северную Америку уже ранее был известен сибирякам.

Ледиард прожил четыре года среди полинезийцев, тихоокеанских индейцев, алеутов и туземцев Камчатки и Кохинхины, стараясь поближе присмотреться к их жизни. Он был единственным американцем в экспедиции и, таким образом, первым представителем США, ступившим на землю будущих американских владений, Аляски и Алеутских островов.

МЫСЛЬ об исследовании американского материка впервые зародилась у Ледиарда в Нутке на острове Ванкувере. Там он встретил индейцев с предметами обихода, которые явно пришли с атлантического побережья. Но если Америка была заселена краснокожими, Ледиард мог пересечь континент. Во всяком случае он сам свято верил в это.

В 1778 году молодой путешественник в сопровождении лишь одного туземца прибыл в Уналяску для того, чтобы встретиться с зимовавшими там сибирскими охотниками. Впервые, на девственной земле, у раздела двух материков, встретились представители двух народов.

Никем незамеченное, произошло знаменательное событие в истории человечества—соединились два конца мира. И, как бы чувствуя важность момента, американец и сибиряки торжественно обменялись дарами.

Ледиард подарил охотникам табак и коньяк, а сибиряки, сняв с него промокшую в пути капральскую форму, надели на него шелковый халат, меховую шапку и роскошный меховой кафтан. На следующее утро Ледиард парился в русской бане. Изнемогая на полке до потери сознания,

он все же прошел это «испытание» до конца, чтобы не обидеть гостеприимных хозяев.

Прошло почти десять лет, прежде чем Ледиард вновь увидел русских. За это время он снарядил первый американский корабль, вышедший в плавание по Тихому океану и обогнувший мыс Горн, и издал свой путевой дневник, который он вел, участвуя в экспедиции капитана Кука. Его настойчивая пропаганда торговли с Востоком увенчалась успехом.

В экономическую сферу молодой республики вошел не только бассейн Карибского моря, но и Тихий океан, на берегах которого развивалось в дальнейшем влияние США. Несмотря на все свои кажущиеся успехи, Ледиард испытывал большие финансовые затруднения, которые постоянно мешали ему осуществить его заветную цель — исследовать американский материк.

ЛИШЬ в 1786 году счастье как будто улыбнулось Ледиарду и ему представилась возможность поехать во Францию, где в то время американским послом был его друг Джефферсон. Идеей новой экспедиции заинтересовались некоторые деятели

науки во Франции и в Англии. Известному английскому ученому Сэру Джосефу Бэнк, удалось даже собрать небольшой фонд для финансирования экспедиции.

В феврале 1786 года Ледиард прибыл в Стокгольм. Из шведской столицы он собирался добраться в Россию прямым путем, по льду Ботнического залива. Но, к сожалению, в тот год залив не замерз, и Ледиард вынужден был проделать сложное и длинное путешествие через Лапландию и Финляндию. Он совершил его в очень короткий срок—семь недель.

В Санкт Петербурге Ледиарду пришлось очень долго ждать решения на проезд через империю, так как Екатерина как раз в то время совершала свою знаменитую поездку по Крыму. В ожидании ответа на свое ходатайство Ледиард познакомился с ученым Петром Паллас, проводившим большую часть своей жизни в России и пользовавшимся покровительством Екатерины. Из бесед с ним молодой американец почерпнул много весьма полезных сведений.

ТОЛЬКО в июне Ледиард начал свое путешествие. Всю дорогу до Иркутска американ-

ский натуралист проделал в кибитке в обществе почтовых курьеров и государственных чиновников. Иркутск был центром пушной торговли России.

Здесь никто не интересовался европейскими делами, и все внимание было сосредоточено на северных берегах Тихого океана, колонизировавшихся из Сибири. Ледиард узнал тут, что уже 2.000 русских переселились на американский материк и что пушной промысел на Алеутских островах стал значительно оживленнее, чем десять лет тому назад, когда он побывал там с экспедицией Кука.

Прошло некоторое время. Ледиард успел немного осмотреться и завести ряд знакомств. И вот, к большой радости американца, торговцы пушиной предложили устроить его следующей весной на корабль, плывущий в Америку. Казалось, труднейшая проблема была разрешена.

Между тем Ледиард и не подозревал о враждебном настроении нараставшем против него среди крупных сибирских купцов. Они не могли поверить в невинность намерений Ледиарда, который только во имя науки исследовал новые края и населяющие их народы. В их глазах он был опасный шпион, которого следо-

вало ограничить в его странствованиях.

ЛЕДИАРД с головой ушел в изучение края. В Иркутске он познакомился с ботаником Карамышевым. Последний счел своим долгом оказать полное содействие любознательному американцу и широко пошел ему навстречу. Специально для заморского гостя Карамышев приглашал к обеду калмыков и чукчей. Ледиард внимательно наблюдал за ними, а потом оба натуралиста обменивались свежими впечатлениями и вели задушевные беседы о нравах и обычаях местных жителей, о вновь найденных ископаемых, о могучих реках Сибири.

Покинув в сентябре Иркутск, Ледиард отправился на маленькой лодке вниз по Лене в Якутск. Ему нужно было достичь Охотска до наступления суровой зимы. Но из Иркутска поступило распоряжение задержать путешественника и, несмотря на его энергичные протесты, он должен был остаться в Якутске.

В середине зимы разразилась беда: по приказу Екатерины, полумертвого от холода и лишений Ледиарда доставили в спешном порядке, через всю империю, на

польскую границу. Официально Екатерина объяснила это распоряжение желанием спасти сумасшедшего американца от верной гибели. В действительности же, с одной стороны на Екатерину оказали давление влиятельные иркутские мехоторговцы, с другой — и сама Екатерина опасалась, что предприимчивый и просвещенный гражданин США воочию увидит новые российские владения на северо-американском материке.

НЕУДАЧА горько разочаровала Ледиарда, а скверные условия поездки через всю Россию и Польшу расшатали его и без того подорванное здоровье. Он умер год спустя, накануне своей первой попытки исследовать Центральную Африку.

Собственные страдания заставили Ледиарда особенно чутко понимать и ценить свободу и всегда вызывали в нем сочувствие к людям, лишенным ее. Он был другом и защитником всех обездоленных и угнетенных.

К сожалению, большая часть путевого дневника Ледиарда, относящаяся к его путешествию по России и Сибири, не была опубликована. Талантливый и одаренный от природы, Ледиард сам

сознавал пробелы в своей научной подготовке, но они восполнялись его интуицией и острым умом.

Ледиард неизменно стремился к тому, чтобы объединить практику с теорией. Базируясь на своих наблюдениях в Сибири, Ледиард выдвинул некоторые теории относительно возраста и истории земли, которые впоследствии были подхвачены и разработаны учеными. Более всего Ледиарда интересовали сибирские народности.

ИЗУЧАЯ различие между отдельными племенами, он стремился уничтожить средостение, которое его современники воздвигали между людьми. Ледиарду доставляло большую радость подмечать факты, подтверждающие его теории. Так, например, он находил, что сибирские юрты похожи на индейские вигвамы, или что ритм татарской речи схож с ритмом индейской.

По этому поводу в одном из своих писем Ледиард востор-

женно замечает: «Я никогда не смогу передать вам, насколько поразительно сходство между татарами и американскими туземцами. Они—один народ, самый древний и самый многочисленный из всех».

Относительно модной тогда теории французского ученого Бюффона о том, что Азия населена пришельцами из Америки, Ледиард саркастически писал: «Когда история Азии и, — я добавляю, Америки, потому что между ними обеими существует какая то интимная связь,—будет так же хорошо известна, как история Европы, то выяснится, что историки начали писать историю не с того конца».

Ледиард не понимал презрительного отношения своих современников к обитателям дикого севера. И его забавляла мысль, что получилось бы, если бы Бюффон или какой-нибудь другой физически крепкий и высокообразованный европеец померился силами и смекалкой с самоедами или якутами.

При Колумбийском университете будут созданы областные институты для изучения народов главных стран мира. Первым откроется Русский институт. Рокфеллеровский Фонд дал крупную сумму на это учреждение.

АМЕРИКАНСКИЙ ФЛОТ В БОЮ

РОЙ ПЕПЕРБУРГ

Редактор книжки «Военные суда всего мира»

НЫНЕШНЯЯ война привела к развитию совершенно нового вида морской войны. Одновременное ведение военных операций на ряде фронтов поставило проблему ошеломляющих по масштабу перевозок войск и военных материалов.

Появление во флотах мира кораблей нового типа и развитие авиации, как боевой силы, вызвали радикальное изменение морской стратегии. Были крупные морские сражения, в ходе которых обе стороны даже не приближались друг к другу на расстояние пушечного выстрела.

В начале этой войны принято было оценивать морскую мощь каждого государства сообразно

числу линкоров в составе каждого флота. Авианосцы еще не были испытаны в войне, поэтому их мощь и грядущая роль были неизвестным фактором. Считалось, что решающее сражение вылетится в стародавнюю форму дуэли между соперничающими флотами, которые будут биться до конца. Последнее сражение подобного рода произошло в прошлую войну у Ютланда.

Вплоть до нападения японцев на Пирл Харбор США и Япония попрежнему строили свою стратегию войны на Тихом океане на вероятности повторения опыта Ютландского сражения.

У Японии в то время было десять линкоров, у Америки—семь

надцать. Учитывая эту разницу, Япония понимала, что ей нужно во что бы то ни стало уклониться от подобного сражения. Зато стратегическая цель американского флота состояла именно в том, чтобы навязать противнику большое морское сражение, в котором оба флота бились бы до конца, ибо исход этого боя не вызывал ни малейшего сомнения.

ДЛЯ того, чтобы помешать американским планам, японцы, не объявляя войны, атаковали седьмого декабря 1941 года флот США в Пирл Харбор. В результате коварного нападения восемь американских линкоров были так серьезно повреждены, что США временно лишились возможности осуществить большую военно-морскую операцию. Приходилось заново пересмотреть основы стратегии США.

К счастью, в утро атаки в Пирл Харбор не было ни одного американского авианосца. Это дало возможность в первые месяцы войны возложить на них всю тяжесть оборонительных и наступательных операций. Охраняемый крейсерами и эсминцами, авианосец, под давлением необходимости, заменил линкор.

После потерь в Пирл Харбор американский флот имел следующий состав: семь авианосцев первой линии, девять неповрежденных линкоров, включая два новых, «Вашингтон» и «Северная Каролина», водоизмещением по 35 тысяч тонн каждый; 34 крейсера, около 170 эсминцев и сто с лишним подлодок. Значительная часть этого флота оперировала в то время в Атлантическом океане, защищая морские караваны от германских подводных лодок.

Американское морское командование понимало, насколько опасно концентрировать основные силы тихоокеанской эскадры в каком-нибудь одном пункте этого огромного бассейна. Такая дислокация открыла бы для японской атаки много незащищенных районов.

Японцы могли бы ударить по Алеутским островам, по острову Миндуэй, по Гавайскому архипелагу и даже непосредственно по американскому матерiku, равно как и по стратегически важным пунктам в южном бассейне Тихого океана.

Чтобы отразить любую из этих угроз, американское командование произвело дислокацию военно-морских сил в соответствии с оборонительной стратегией. США

решили вести борьбу на затяжку с целью выиграть время и привести в боеспособность поврежденные корабли, а также закончить постройку новых.

ДЛЯ осуществления этого стратегического плана были созданы совершенно новые, ранее в американской практике неизвестные, боевые соединения: морские отряды специального назначения. Такой отряд состоял из одного или двух авианосцев, сопровождаемых крейсерами и эсминцами. В зависимости от характера боевого задания—отряд может насчитывать в одном случае всего лишь пять-десять кораблей, а в другом и более ста. Каждый отряд действовал в определенном секторе тихоокеанского театра.

Но и в ближайший период после Пирл Харбор американский флот не отказался от военной аксиомы, что наилучшая защита—это нападение. Первой из многочисленных успешных морских операций наступательного характера был воздушный и артиллерийский обстрел Гильбертовых и Маршалских островов 31-го января и 1-го февраля 1942 года.

Этот первый за всю войну наступательный удар, нанесенный

американским отрядом особого назначения, был выполнен авианосцами «Энтерпрайз» и «Йорктаун», крейсерами их эскорта «Нортхэмптон», «Солт Лейк Сити», «Честер», «Луисвилл» и «Сен-Луи» и десятью эсминцами. Огнем крупнокалиберной корабельной артиллерии и бомбовыми ударами самолетов с авианосцев были уничтожены застигнутые в портах торговые суда противника, портовые устройства и береговые батареи на девяти разных островах.

Три недели спустя другой специальный отряд авианосцев разгромил военные объекты противника на острове Уэйк и островах Маркуса. Нападение на Гильбертовы и Маршалские острова послужило образцом для операций отрядов специального назначения, широко практиковавшихся в ходе всей войны на Тихом океане.

ПЕРВУЮ бомбардировку Токио 18-го апреля 1942 года провели самолеты с авианосцев отряда специального назначения под командой полковника Джемса Дулитла.

При всей эффективности этих ударов, они явились лишь прелюдией к последующим боям. Японцы наступали на юг и восток до

самых Соломоновых островов с невероятной быстротой и почти беспрепятственно. Целью японцев было перерезать остающуюся линию снабжения между Соединенными Штатами и Австралией. В случае удачи они бы с легкостью могли завоевать Австралию и Новую Зеландию.

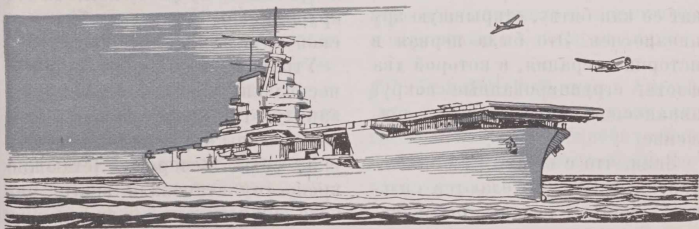
Но внезапное японское наступление было остановлено тройным контрударом союзных сил в величайшем к тому времени морском сражении в южном бассейне Тихого океана. Сражение, получившее название—битва в Коралловом море—произошла между 4-м и 8-м мая 1942 года.

Американские разведовательные самолеты дальнего действия донесли о движении на юг крупной японской эскадры. Три союзных отряда специального назначения соединились для общих действий.

У ТРОМ 7-го мая самолеты с американских авианосцев «Лексингтон» и «Йорктаун» настигли японский авианосец «Риукаку», когда он разворачивался против ветра для запуска своих самолетов. В такой момент авианосец фактически беззащитен, так как если он начнет маневрировать, чтобы уклониться от бомб, его самолеты не могут в это время подняться и защитить его. Пораженный пятнадцатью бомбами и десятью торпедами, «Риукаку» через несколько минут затонул.

На следующее утро воздушная разведка выследила неприятельское соединение, состоявшее из двух авианосцев, четырех тяжелых крейсеров, нескольких эсминцев и многих меньших судов.

Американские летчики потопили тяжелый крейсер, четыре канонерки и транспорт. Кроме того, настолько серьезно повредили

один из авианосцев (должно быть «Снокаку»), что он также считается потопленным. Еще один тяжелый и один легкий крейсер, наливное судно морской авиации, грузовое судно и транспорт тоже получили серьезные повреждения. Американцы потеряли в сражении Кораллового моря авианосец «Лексингтон», наливное судно «Нюшо» и эсминец «Симс».

Подводя итоги сражению, Главнокомандующий американским флотом адмирал Эрнест Кинг сказал: «Таковы были результаты первого в истории морского боя, в котором корабли не обменялись ни единым пушечным выстрелом. Гибель «Лексингтона» была ударом для нас, но в Корралловом море мы остановили продвижение японцев на юг».

БИТВА в Коралловом море является не только поворотным пунктом в ходе войны на Тихом океане. Морские стратеги запомнят ее как битву, открывшую эру авианосцев. Это была первая в истории операция, в которой два флота, сгруппированные вокруг авианосцев, провели большое сражение.

Зная, что с каждым днем Соединенные Штаты делаются сильнее, японцы должны были на-

прячь все свои силы, чтобы, нащупав слабое звено в американской обороне на Тихом океане, нанести ей удар.

Адмирал Ямамото нанес удар одновременно в двух местах. В июне 1942 года он атаковал остров Мидуэй, в центре Тихого океана, и Алеутские острова — на крайнем севере, рассчитывая этим маневром рассеять американские силы и закрепиться на острове Киска.

Однако, в обоих направлениях японцев постигла неудача. В Детч Харбор японцев встретила американская авиация, базировавшаяся на секретных аэродромах, и врагу удалось захватить только два островка в западной оконечности Алеутов.

У Мидуэя их ждало еще большее поражение. Превосходная разведка, осуществленная самолетами, подлодками и легкими судами далеко на запад, помогла американскому флоту нанести сокрушительный удар мощной японской армаде.

Утром 3 июня на расстоянии нескольких сот километров к юго-западу от острова Мидуэй были обнаружены крупные неприятельские силы. Вечером «Летающие крепости» атаковали врага, нанеся ему некоторые повреждения.

Ночью летающие лодки «Каталина», впервые действуя в качестве бомбардировщиков-торпедоносцев, продолжали нападение, зарегистрировав два попадания в корабли противника.

Вторая неприятельская эскадра, включавшая три авианосца, была замечена на следующее утро к северо-западу от Мидуэя. Самолеты армии и флота США атаковали японцев и причинили им серьезный урон. Самолеты с трех американских авианосцев, спешивших на всех парах к месту боя, едва только расстояние им позволило это, кинулись в атаку.

АМЕРИКАНСКИЕ летчики нанесли повреждение авианосцам «Кага» и «Окаги», еще одному авианосцу, линкору, крейсеру и еще нескольким другим судам. «Кага» и «Окаги» оказались выведенными из строя; третий авианосец, повидимому «Сориу», был позже потоплен американской подлодкой «Наутилус». Четвертый японский авианосец «Хириу», охваченный огнем, затонул на следующее утро.

В этом бою японцы потеряли четыре авианосца, тяжелые крейсера «Могам» и «Микума» и три эсминца. Были повреждены: три линкора, один авианосец, че-

тыре крейсера, несколько эсминцев и, по крайней мере, три транспорта и вспомогательных судна. Американцы потеряли только авианосец «Йорктаун» и эсминец «Хаман».

В битве у Мидуэя японский флот потерпел первое решительное поражение за 350 лет; в 1592 году корейский адмирал Инк-Сун нанес сенсационное поражение адмиралу Хидеоси. После сражения у Мидуэя японцы прекратили свои попытки продвижения на восток. Опасность для Гавайских островов и западного побережья Америки миновала.

Американский флот мог воспользоваться краткой передышкой, так как враг на ближайшее время лишен был какой бы то ни было возможности предпринять новое большое сражение. Тем временем на Атлантике шла беспощадная борьба с действовавшими там германскими подводными лодками. Вместе с тем на этом театре уже начиналась подготовка к вторжению в Северную Африку.

С БЫСТРОТОЙ чуда в Америке в течение первых двух лет после ее вступления в войну строились тысячи противолодочных судов. Сотнями строились небольшие эсминцы типа «DE»

для конвоирования морских караванов и маленькие суда, получившие название «фрегатов»; моторные истребители, длиной в 33 и 53 метра, строились тысячами.

Американские бомбардировщики и аэростаты, а также самолеты Гражданской патрульной службы, уничтожили в водах Атлантического океана много вражеских подлодок. Но эти патрули не могли нести охрану караванов в открытом море.

Чтобы обеспечить воздушной обороной суда, шедшие за океан, специально для конвойной службы были построены десятки небольших авианосцев. Многие из этих карликовых авианосцев были построены заново; многие были построены из грузовых пароходов и танкеров. Когда эти «авианосцы-лиллипуты» влились в состав истребительных флотилий, потери союзников от действий германских подлодок резко уменьшились. Вторая важнейшая задача американского флота, после постройки огромных флотилий истребителей подводных лодок, заключалась в создании десантных судов. Без этого было бы невозможно осуществить вторжение в Северную Африку, на европейский континент и в пределы япо-

нской империи на Тихом океане.

Десантные суда представляют собою небольшие плоскодонные конструкции для доставки войск и механического снаряжения на вражеский берег. Это одна из труднейших военных операций. Проектирование и постройка таких судов всех типов были выполнены с невероятной быстротой.

К делу привлекли не только все верфи Америки, но и заводы, занятые в нормальное время другими производствами и расположенные в разных концах страны: и на берегах Великих озер, и на реках, и даже вдали от водных путей. На многих из них десантные суда строились по частям, а затем собирались на морских берегах.

ПОСТРОЙКА вспомогательных флотилий не приостановила постройку основных боевых кораблей флота. Линкоры, крейсера, авианосцы, эсминцы и подлодки сходили со стапелей один за другим с рекордной скоростью. За период 1942-1944 годов в состав флота вступили 10 новых линкоров общим водоизмещением в 410.000 тонн, 20 крупных авианосцев и более 400 эсминцев и подлодок. Мощь флота США за

последние три года утроилась.

Постепенно, по мере окончания постройки, новые суда вступали в строй, обеспечивая возможность нового наступления. Месяца через два после боя у Мидуэй, десант морской пехоты был высажен на Гвадалканал и Тулаг-островах Соломоновой группы.

Десант 7-го августа 1942 года получил огромное стратегическое значение. Он помешал японцам закончить оборудование воздушной базы на Гвадалканале и быстрый захват почти законченной неприятельской воздушной базы прошел с большим успехом.

Японцы, однако, сделали ряд отчаянных попыток вернуть потерянный остров. Японский флот непрерывно обстреливал американские позиции, и новые вражеские подкрепления высаживались с кораблей чуть ли не каждую ночь. В кровопролитных схватках на суше и на море японцы, в конечном счете, были истреблены или выброшены с острова. Остатки их гарнизонов бежали в ночь на 7-го февраля 1943 года.

ТЕПЕРЬ перед американским флотом открывался путь для ряда величайших в истории де-

сантных операций—захвата островных баз, ведущих к Токио. Американские отряды авианосцев в непрерывных боях бомбили, обстреливали и высаживали десанты на многочисленных укрепленных островах, образующих линию японской обороны.

В конце 1943 года были захвачены острова Макин и Тарава, а в начале 1944 года американские самолеты, базирующиеся на авианосцах, нанесли сокрушительный удар по острову Трук, сильнейшему тогда японскому бастиону в южном бассейне Тихого океана.

В июне и июле этого года были захвачены острова Марианской группы — Тиниан и Гуам. Гуам был первым клочком американских тихоокеанских владений, освобожденных от японцев. Каждый взятый остров становился передовой базой для дальнейшего наступления американского флота. Каждый вновь занятый остров продвигал линию все ближе к Японии.

В сентябре американцы водрузили свой флаг на островах Палай, Нгуая и Улити—Каролинского архипелага, и, одновременно, на Моротай—острове Молуккской группы. До Филиппин оставалось только 1.000 км.

МНОГИЕ из этих операций были проведены сильным 58-м отрядом специального назначения. В его состав входило более 100 кораблей всех размеров и назначений — линкоров, авианосцев, крейсеров и эсминцев. Эта внушительная эскадра в течение долгих месяцев крейсировала по Тихому океану в поисках японского флота и нанося сильные удары по вражеским базам. Однако, флот микадо уклонялся от боя.

Девятнадцатого октября 1944 года американские войска лавиной ринулись на берег острова Лейте, расположенного в центре Филиппинского архипелага. Этому предшествовала целая неделя концентрированных воздушных атак с американских авианосцев против японских укреплений на самих Филиппинах, а также на островах Формоза и Рюкию, входящих в состав собственно Японии. Началось освобождение Филиппин.

Остров Лейте расположен между двумя большими сильно укрепленными островами Минданао и Лусон. Зная, что взятие Лейте прервет связь между японскими силами, оккупирующими Филиппины, Америка направила свой удар именно на этот остров.

Япония учитывала, что в случае успеха этой операции американцев, они вскоре смогут атаковать оккупированные японцами порты китайского побережья, остров Формозу и даже самые японские острова.

Японский флот, после долгих колебаний, решил, наконец, действовать. Три колонны японских судов атаковали неподалеку от Лейте американские корабли, поддерживавшие десант на этом острове. Между 22-м и 27-м октября последовал целый ряд боев, известных теперь под общим названием Второй Филиппинской битвы.

В период между 22-м и 27-м октября американские военно-морские силы под командованием адмирала Честера Нимица, Главнокомандующего Тихоокеанским флотом Соединенных Штатов, потопили и повредили 58 из 60 японских кораблей, вступивших в бой.

Когда, наконец, американские морские орудия прекратили огонь и самолеты вернулись из последнего рейса на свои авианосцы, лишь рассеянные остатки японского флота в поспешном отчаянии удирали с поля битвы. Япония как первоклассная морская держава более не существовала.

СМИТТИ

По снегу

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ В РИСУНКАХ

ВИЛЛИАМ ЛАС

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ рассказы в рисунках, или как их называют в Америке — «юмористические полоски», стали своеобразной и огромной отраслью печатного дела. Эти «полоски» печатаются почти во всех американских газетах; всего в США выходит около двух тысяч ежедневных газет с общим тиражом в 44 миллиона экземпляров. Перед войной общий месячный тираж дешевых юмористических журналов достиг 25 миллионов экземпляров, при этом преобладающую часть читателей составляли дети.

В действительности «юмористическая полоска» не обязатель-

но делается как юмористическая, или в форме полоски. Этот термин возник в те дни, когда от художников-карикатуристов требовалось не много — забавный сюжет и умение изготовить простой, динамичный, смешной рисунок карандашом или тушью, расположенный в полоску.

Сегодня «юмористическая полоска» бывает и серьезного, реалистического характера, рассчитанная на взрослых. Выпускаются даже целые книжки таких рисунков.

«Юмористические полоски» принадлежат к столь типичным американским так называемым «живым искусствам». Потреб-

ность населения в такого рода развлечениях удовлетворяется, наряду со всеми другими, самым широким образом, и притом по весьма доступным ценам. Этого удалось достигнуть благодаря оригинальным методам производства.

ЛЕТ пятьдесят тому назад двое конкурировавших между собой нью-йоркских газетных издателей приступили к выпуску так называемой «газеты для семьи». Издатели исходили из того, что газету читает не только глава семьи, но и его жена и дети. Следовательно, рассуждали издатели, от этой дополнительной аудитории может зависеть и успех газеты.

Новинки типографской и граверной техники позволили претворить эти теоретические расчеты в практику, и они блестяще подтвердились.

В 1894 году один из двух издателей, Пулитцер, ввел в своей газете «Нью-Йорк Уорлд» многоцветную печать, а в воскресных изданиях газета стала помещать страничку мод, рассказы и другие материалы, привлекая интерес всей семьи в целом.

Появилось и еще одно нововведение: раз в неделю целая

страница газеты посвящалась рассказам в картинках, автором которых был художник Р. Ф. Ауткольт. После первых пробных попыток он создал забавный тип мальчишки пострела, которого он окрестил «Кид».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ Киды стали печататься ежедневно. В каждой новой серии рисунков изображалось новое приключение, главным действующим лицом которого был Кид. Новинка имела мгновенный успех. Дети приставали к отцу, чтобы он принес именно эту газету со «смешными картинками» и едва могли дожждаться воскресения.

Тираж газеты стал стремительно увеличиваться. После этого стали расти, как грибы после дождя, герои юмористической графики и в той же газете, и в конкурирующей с нею газете «Нью-Йорк Джорналь».

Юмористические рассказы в рисунках с самого начала были рассчитаны на массового читателя.

В дальнейшем эти серийные рисунки стали рассылать для одновременного печатания в провинциальную прессу. Это также способствовало широкому распространению юмора в рисунке.

С течением времени миллионы американцев получили возможность следить по местным газетам, день за днем, за приключениями своего излюбленного комического героя. Авторы наиболее популярных серий стали в Америке знаменитостями.

Читательские требования предопределили характер рисунков. Вначале это были довольно грубые и примитивные рассказы из повседневной жизни, но и тогда сопроводительный текст казался замечательно остроумным, подлинно народным разговорным языком.

Гарольд Тин

Верное лечение

Некоторые из ранних героев этого юмора продолжают существовать и поныне; к их числу относятся серии «Капитан и ребята» «Дети Катценяммера», (которые впервые появились в 1897 году), «Воспитание папаша», «Проказница Кэт», «Мотт и Джеф», появившиеся в 1911 году.

БЫЛО много попыток облагородить этот вид графики, но близость к обыденной жизни людей попрежнему осталась основой этого юмора. Юмористические полоски сохранили свой наивный и вместе с тем эмоционально правдивый и здравый характер.

В 1920 году появилось одно замечательное нововведение. По мере того, как росло соревнование между авторами, выработался особый прием. Каждая серия заканчивалась так, чтобы оставить читателя в состоянии напряженного ожидания следующего

выпуска газеты. С большой изобретательностью автор добивался того, чтобы из номера в номер развязка приключений откладывалась.

Этот прием потребовал от авторов напряженной работы воображения, специфического литературного мастерства и соблю-

дения реалистического жанра в рисунке.

Первым следствием этого новшества была тяга в сторону чистых приключений, так называемых «юмористических рисунков с действием». Постепенно эти серии достигали такой напряженной динамичности, которая сочеталась с псевдонаучной фантазией, что многие родители встревожились по поводу возможного влияния этого вида литературы на детей. Специалисты-психологи пришли, однако, к тому выводу, что для детей бурная игра воображения вполне естественна и что эмоциональное отвлечение, которое дает детям такой «юмор в действии», отнюдь не менее полезен, чем детские повести и волшебные сказки.

УЖЕ в 20-х годах этот жанр достиг более зрелой стадии, когда он был применен к более серьезным темам, представляющим более широкий интерес, при сохранении элемента комедийности. Это привлекло квалифицированных и талантливых авторов и тонких и солидных художников. Многие герои рассказов в рисунках обрели в глазах читателей облик такой же реалистичности, как и сами читатели.

Наиболее удачные из этих серий напоминают романы Чарльза Диккенса и Виктора Гюго, в свое время также печатавшиеся в газетах по частям. В новых сериях герои рождались, добивались в жизни успеха, страдали, совершали героические подвиги, ненавидели, умирали. В одной из серий хронологически изображалась вся жизнь героя, в тщательной и строгой последовательности. Двадцать три года тому назад читатели познакомились со «Скизиксом» — подкидышем, которого нашла на пороге своего дома одна сердобольная семья. Одна серия рисунков за другой повествовала о том, как у него прорезывались зубки, как он поступил в школу, впервые надел длинные брюки, стал зарабатывать на жизнь. Сегодня «Скизикс» служит в американской армии. Эта повесть в рисунках дает богатейший бытовой материал для изучения истории Америки за последние двадцать лет. Но даже и чисто юмористические, нереалистические рассказы в рисунках весьма глубоко, хотя и в смешном аспекте, отображают американскую жизнь.

В НАСТОЯЩЕЕ время наблюдается тенденция к дальней-

шему распространению этого жанра. Объясняется это тем, что художники-юмористы почувствовали, какое место они заняли в жизни миллионов читателей, которые выражают свое мнение, покупая ту или иную газету и посылая свои отзывы в редакцию.

Педагоги прекрасно понимают, что этот жанр литературной иллюстрации может иметь большое влияние на молодежь, и когда появились вредные и нездоровые уклоны, они энергично боролись с ними.

Война заметно усилила стремление использовать это все более влиятельное средство в воспитательных целях. В американской армии и флоте быстро учли, какие изумительные возможности сулит это средство для обучения новобранцев. Теперь летчиков обучают с помощью юмористических рассказов в картинках; пехотинцам такие рисунки внушают норму поведения в боевой обстановке, учат их воинской выправке.

В АМЕРИКАНСКИХ газетах печатается около четырехсот определенных серий юмористических рисунков. Насколько позволяют запасы бумаги, выходит 125 ежемесячных сборников юмо-

ристических рисунков. Не все они, конечно, стоят на одинаково высоком уровне, но тот факт, что до войны они распространялись также в шестидесяти других странах, свидетельствует о растущем их признании. С 1935 по 1939 год тираж американских юмористических серий быстро возрастал во всех странах, где они были известны. Большой популярностью издавна пользовались за границей серии, начавшие выходить много лет тому назад, вроде «Капитан и ребята» или «Воспитание папаша». Из более недавних особый успех за границей выпал на долю рисунков Уолта Диснея, посвященных зверькам, серии «Блонди», «Поппай-моряк» и ряда других приключенческих рассказов. К сожалению, лучшие из них, более высокого уровня, трудно поддаются переводу, так как они отображают сугубо американский быт и обычаи, фольклор и разговорный язык.

Все более широкое распространение «юмористических полосок» говорит об их пользе, как универсального средства человеческого общения, независимо от национальных различий. Это новый вид искусства, отображающий целый народ и говорящий с ним на его собственном языке.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА США

(Редакция)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ управление Соединенных Штатов построено на принципе разделения власти: законодательная власть принадлежит Конгрессу, составленному из двух палат— Сената и Палаты Представителей. Исполнительная власть принадлежит Президенту, который координирует деятельность членов своего кабинета и различных исполнительных органов. Судебная власть принадлежит системе федеральных судов, высшим органом которых является Верховный Суд США.

По идее основателей американского государства, эти отрасли государственного управления взаимосвязаны в служении на-

роду и как-бы контролируют одна другую.

Выборный законодательный орган является основой нашего представительного федерального правления. Конгресс, в большей степени чем обе другие отрасли государственного управления, отображает различные течения общественного мнения, перемены в народных устремлениях и все многообразие специфических интересов различных частей страны.

Конгресс, как коллегиальная организация, всегда находится на виду у публики, особенно в чрезвычайные периоды жизни страны. Деятельность Конгресса постоянно открыта для энергичной критики, будь то благожела-

тельной или отрицательной, как со стороны прессы, так и избирателей всей страны.

Из двух палат Конгресса более многочисленна Палата Представителей. Она состоит из 45 депутатов, избираемых от штатов в количестве, пропорциональном населению каждого штата. Депутат Конгресса избирается на два года. Он должен быть не моложе 25 лет, состоять в американском гражданстве не менее 7 лет и быть жителем штата, от которого он избран. «Жителем штата» обычно считается лицо, которое пользуется избирательным правом в данном штате.

Интересно отметить, что депутатов Палаты Представителей часто называют конгрессменами, в то время как членов Сената называют просто сенаторами.

Председателем Палаты Представителей является спикер. Согласно обычаю, на эту должность избирается один из лидеров политической партии большинства, и в этом качестве он обладает большим влиянием. Он избирается небольшим комитетом своих коллег. Его положение позволяет ему руководить осуществлением законодательной программы сво-

ей партии. Он имеет право голоса в Палате и по желанию может, покинув председательское кресло, принять участие в прениях.

Должность спикера Палаты Представителей занимали в разное время некоторые наиболее видные деятели американской истории. Спикер Джеймс К. Полк (1844-1848) занимал пост Президента Соединенных Штатов. Другие спикеры в дальнейшем становились сенаторами, членами Верховного Суда, а также занимали другие видные посты.

СЕНАТ отличается от Палаты Представителей не только числом депутатов, но также и продолжительностью избирательного срока. Сенат состоит из 96 депутатов — по два от каждого штата. Сенатор избирается на срок в шесть лет. Сенатор должен быть не моложе тридцати лет, состоять в американском гражданстве не менее 9 лет и быть жителем штата, от которого он избран. Председателем Сената является Вице-Президент Соединенных Штатов. Его прерогативы весьма отличаются от функций спикера Палаты. Так как председательствующий в Сенате не избирается ни из числа се-

наторов, ни сенаторами, он не имеет права голоса, за исключением случаев, когда голоса в Сенате разделились поровну. Председательствующий не входит в состав сенатских комитетов или комиссий и не принимает участия в прениях.

Сенат наделен особыми полномочиями, которыми Палата не обладает, а именно: Сенат ратифицирует всякий договор, заключенный Президентом с иностранным государством; утверждает предложенные Президентом назначения на руководящие должности, в том числе членов кабинета, послов, судей Верховного Суда, а также членов других федеральных судебных установлений. Сенат рассматривает дела о государственной измене в тех редких случаях, когда обвинение предъявлено крупному должностному лицу национального правительства за деяние, настолько серьезное, что оно требует его отстранения от должности.

КОНГРЕСС собирается на свои регулярно созываемые сессии в здании Капитолия, в Вашингтоне, ежегодно 3 января. Кроме того Палаты могут быть созваны на чрезвычайные сессии Президентом, в тех случаях, ког-

да он сочтет это необходимым. Это особенно относится к Сенату, который может быть созван для утверждения новых назначений или ратификации международного договора. Как правило, Президент созывает чрезвычайную сессию Конгресса только для рассмотрения каких-либо весьма неотложных вопросов, о чем он обычно объявляет заранее.

Основная задача Конгресса состоит в выдвижении, рассмотрении и утверждении внесенных законопроектов, прежде чем представить их на утверждение Президента. Ежегодно на рассмотрение Конгресса вносятся тысячи «биллей», то-есть законопроектов. Американские избиратели имеют право ходатайствовать перед своими сенаторами или депутатами Палаты Представителей о внесении в законодательные органы определенных биллей; Президент также может просить о проведении специальных законодательных мер.

ОБЕ Палаты Конгресса фактически обладают равными правами в области законодательства. Любая из Палат может внести законопроект, рекомендовать его принятие, предложить по-

правки. Однако налоговое законодательство является первоначальной прерогативой Палаты Представителей; но при этом Сенат может постановить изменения в предложенный налоговый законопроект, участвуя тем самым и в этой отрасли законодательства. Перед тем, как законопроект представляется на утверждение Президента, он должен быть утвержден обеими Палатами. Каждый принятый Конгрессом законопроект должен быть представлен на подпись Президента.

В случае несогласия с законопроектом, Президент возвращает его неподписанным в ту Палату, куда законопроект был первоначально внесен. Сопровождается это президентским вето и указанием о причинах нежелательности принятия данного закона. В этом случае билль может стать законом, при условии принятия его двумя третями голосов каждой Палаты, наперекор президентскому вето. В случае, если Президент не пожелает подписать законопроект, но воздержится от наложения вето, он может задержать его у себя неподписанным в течение десяти дней, после чего билль становится законом и без подписи Президента.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Конгресса охватывает все стороны политической и экономической жизни страны и ее внешних сношений. Конституцией Соединенных Штатов Конгрессу предоставлен ряд особых полномочий: устанавливать и взимать налоги; производить займы под залог государственных ценностей; регулировать торговлю с иностранными государствами и между штатами; чеканить монету; устанавливать норму приема в американское гражданство; создавать почтовые учреждения и почтовые марки; предоставлять авторские права и патенты на изобретения; создавать федеральные судебные установления, обладающие ограниченной властью по сравнению с Верховным Судом Соединенных Штатов; объявлять войну; содержать армию и военно-морской флот, а также управлять федеральной территорией, являющейся местопребыванием правительства (в настоящее время такой территорией является округ Колумбия).

В дополнение к этим особо установленным прерогативам Конгресс с течением времени приобрел связанные с ними или вытекающие из них права. Таким образом, право производить

займы породило право учреждать национальные банки; право регулировать торговлю между штатами породило право издавать постановления о контроле над торговлей мясом и другими съестными припасами, а также постановления, относящиеся к аптекарским товарам, поскольку эти продукты служат предметом торговли между штатами.

В ПЕРИОД войны и другие моменты национального кризиса объем работы Конгресса становится еще большим. В такие периоды, более чем когда-либо, возникает необходимость в законодательстве, глубоко затрагивающем жизнь и собственность граждан. Каждому составу Конгресса военного времени приходится рассматривать тысячи законопроектов, резолюций и отчетов; к этому прибавляются сотни тысяч писем, телеграмм и устных сообщений избирателей, касающихся мероприятий, представляющих специальный общественный интерес.

Каждый депутат Конгресса располагает небольшим штатом сотрудников помогающих ему осуществлять его депутатские функции. Для этих же целей каждая Палата имеет штат, состо-

ящий из лиц, не обладающих правом голоса в Конгрессе.

КОНСТИТУЦИЯ США, представляя Конгрессу широкие полномочия, одновременно точно оговаривает те из них, которые Конгресс не может присваивать. Так, например, общенациональные законодательные органы не имеют права облагать акцизом экспортную торговлю отдельных штатов. Конгресс не имеет права производить ассигнования без точного указания их назначения; Конгресс не может также лишить человека права в суде, если этот человек лишен свободы, ибо это было бы нарушением одного из фундаментальных принципов американской Конституции.

Конгресс Соединенных Штатов наделен великой властью и несет огромную ответственность. Формулируя законы страны, депутаты Конгресса в значительной мере обладают властью над жизнью и благосостоянием народа. Вот почему на них лежит ответственность за то, чтобы интересы и стремления американского народа были претворены в постоянные жизненные формы законов, позволяющих управлять целой нацией.

МОЕ НОВОЕ ЗРЕНИЕ

ГЕКТОР ШЕВИНЬИ

Из журнала «Сервей Мидмонтли»

ОПИСАННАЯ в этом очерке организация «Видящий глаз» возникла в 1929 году с целью снабжать слепых специальными собаками-поводырями, а также для обучения слепых технике пользования этими собаками. Эта организация работает на основе благотворительности.

Ежегодно общество «Видящий глаз» пропускает через свои курсы 150 слушателей слепцов. В настоящее время в любом штате нашей страны есть слепцы, которые пользуются собаками этого общества. Более ста клиентов общества заняты в предприятиях военной промышленности. Многие клиенты получили уже по второ-

му и третьему четвероногому поводырю, ибо жизнь собак коротка; общество «Видящий глаз» следит за тем, чтобы ни один его клиент не оказался снова беспомощным и зависимым от посторонних.

Автор этого очерка является писателем-профессионалом, который внезапно потерял зрение и позднее овладел техникой пользования смышленной собакой-поводырем. (От редакции).

С МОИМИ «новыми глазами» я познакомился совсем недавно. Впервые мы встретились в гостинной тренировочного центра общества «Видящий глаз», в городе Мористауне, штата Нью-

Джерси. Я прибыл туда для прохождения месячного курса обучения технике пользования собакой-поводырем.

Появление моих «новых глаз» я узнал по ворчанию, которое издавал ласковый боксер-кобель после чего я почувствовал прикосновение холодного и широкого носа. Узнав, что его кличка «Колдун», я сказал: «надеюсь, он оправдает эту кличку».

Всего четыре месяца тому назад у меня было отличное зрение, но вот внезапно сетчатка моих глаз отслоилась. Доктора сделали все, что могли, но вскоре я полностью и навсегда ослеп.

Я еще был счастливее многих из тех, кого постигает такое бедствие; в течение последних пятнадцати лет я занимался писательским ремеслом, то есть профессией, при которой человек не зависит полностью от своего зрения. Слепота не лишила меня ни моих писательских способностей, ни знаний. А соединить эти факторы с листом бумаги я мог через посредство опытного секретаря.

Но оставалось нерешенной проблема движения. Наиболее тяжела слепцу его полная зависимость при передвижении от доброй воли других людей.

Вот почему я охотно ухватился за предложение обзавестись собакой-поводырем. Вместе с тем мне казалось невероятным, чтобы человек осмелился переходить одну из центральных улиц Нью-Йорка в самый разгар дня, пользуясь лишь услугами небольшого животного.

Я и раньше слышал о деятельности общества «Видящий глаз», которое впервые возникло около двадцати лет тому назад в Швейцарии, а шестнадцать лет тому назад начало действовать в Соединенных Штатах. Я готов был допустить, что собака может послужить наиболее удачной заменой утраченному зрению, но окончательное суждение я отложил до того дня, когда я с моей собакой сделаю первую попытку перейти улицу.

Теперь «Колдун» ведет меня всюду, куда я хочу, хотя и у него бывают праздничные дни, когда он предпочитает прокатиться в такси или автобусе, нежели брести под дождем. В этих случаях он дает мне знать о своих намерениях очень простым способом: он упирается и отказывается следовать дальше.

Отправляясь из своего дома на Пятое Авеню, я пересекаю

три улицы с такой же уверенностью и вдвое чаще, чем в прежние времена. А благодаря тому, что «Колдуну» нужны прогулки, я гуляю больше чем раньше. В штате Нью-Йорке действует специальное постановление, разрешающее слепцам с их собаками-поводырями пользоваться всеми видами транспорта. Мои знакомые упорно твердят, что когданибудь меня непременно убьет тяжелой автоматической дверью в метро, и также настойчиво я им доказываю, что подобная опасность мне не грозит.

Иногда мы завтракаем или обедаем в ресторане. Когда я сажусь, «Колдун» покорно укладывается у моих ног. Встречаются метр д'отели, которых приводит в ярость самая мысль о появлении собаки в ресторане. В подобных случаях мы с «Колдуном» не тратим времени на то, чтобы объяснить, что общество «Видящий глаз» специально научило нас, как вести себя за столом. Мы не вступаем в спор, ибо есть много других ресторанов, где нашему приходу рады.

МЫ часто привлекаем к себе общее внимание, но нам с «Колдуном» это нравится. «Колдун» весит около 28 килограм-

мов, у него, как мне сказали, полосатая шкура и забавная черная, сморщенная морда. Он имеет обыкновение бегать высунув язык и оскалив зубы с таким выражением, что публика быстро расступается, давая нам дорогу. Впрочем, этот свирепый вид не соответствует его характеру. Я не помню, что он когда-нибудь залаял.

Он тонко чувствует перемены настроения хозяина, и мне приходится быть с ним неизменно веселым и бодрым, иначе он начинает беспокоиться обо мне. А когда он не весел, то я беспокоюсь о нем, следовательно, мы друг другу пришлись по душе.

Общество «Видящий глаз» пустило крылатую фразу—«Не собака принадлежит вам, вы принадлежите собаке». Собак не «дрессируют» для работы со слепыми, а — им внушают. После этого, на протяжении всей своей жизни профессионального поводыря собака нуждается в постоянном внушении.

БЫЛ зимний, февральский день, когда я, в числе других шестнадцати слепцов, съехавшихся из разных мест Соединенных Штатов, прибыл на курсы «Видящего глаза». Нас

разделили на две группы, к каждой из них был прикомандирован отдельный инструктор.

Меня поместили на втором этаже, в комфортабельной комнате. Вместе с еще одним товарищем по несчастью. Нам объяснили, где вешать одежду, где находится ванная комната, комната отдыха и столовая. После этого мне надлежало находить все это самостоятельно.

Если потеряешь носок или ботинок, разрешается обратиться к посторонней помощи, но прежде ты обязан сам хорошенько поискать. Пациент сам намазывает маслом хлеб, сам нарезает жаркое на тарелке. Если кто-нибудь жалуется, что раньше он никогда этого самостоятельно не делал, ему отвечают, что пора научиться.

Никто не дает человеку независимости — он сам должен ее обрести. Таково одно из положений философии общества «Видящий глаз». Все руководящие работники общества провели не менее одного месяца, живя жизнью слепых. При этом их временно «ослепляли» прочной черной маской, чтобы каждый из них познал, что значит не видеть. Девиз общества: сочувствовать слепому разрешается,

но проявлять жалость к нему запрещено.

Всем нам, пациентам, такое отношение понравилось. Персонал обращался с нами как с равными. Посетители допускались к нам только на два часа по субботам и воскресеньям. Курс обучения не допускал излишнего соприкосновения с публикой, которое часто ведет к тому, что слепой теряет чувство уверенности в своих силах.

МНОГИЕ из пациентов, поступающих на курсы «Видящего глаза», приносят с собой ряд дурных личных привычек, свойственных слепцам. Их учат уверенной походке в сопровождении собаки, учат ходить быстро, ловко, крепким шагом. В некоторых случаях требуется еще и поставить голос пациенту, ибо это есть средство его общения с собакой. Приходится устранять у некоторых привычную грубоватость голоса или чрезмерное разнообразие интонаций, зависящее от перемены настроений.

Первый день пребывания на курсах я слушал лекцию главного инструктора. На другой день меня познакомили с «Колдуном», а семерых моих однокашников с прикомандированными к ним

собаками. Это были четыре немецких овчарки, две лабрадорских охотничьих собаки, мне же достался один из двух боксеров.

Два дня мы провели в том, что привыкали к нашим собакам. Каждый из нас реагировал по своему, в зависимости от темперамента и опыта обращения с собаками. Четверо из курсантов никогда не имели раньше собак и потому чувствовали себя с ними неуверенно. Зато другие неуверенно ласкали и расхваливали своих собак. Каждый из нас был убежден, что лучшая из всех собак досталась ему.

«Колдун» вместе с остальными семью собаками только что перед этим провел трехмесячный курс тренировки под руководством нашего инструктора. Он научился ходить в легкой упряжке с подковообразной ручкой, останавливаться на краю тротуара, пропускать автомобили и игнорировать фонарные столбы. Он, кроме того, проникся чувством обожания к инструктору.

На четвертый день, когда мы вышли на первую прогулку с нашими собаками по улицам Морристауна, «Колдун» дружелюбно семенил передо мной, повинувшись десяти заученным словам команды. Однако, скоро стало яс-

но, что услуги мне он оказывал только потому, что так ему приказано инструктором. Я решил внушить собаке, что я для нее лучший хозяин.

ИНСТРУКТОР заверил меня в том, что наступит определенный день, когда «Колдун» сам покажет, что он — моя собака. По словам инструктора, этот момент ознаменуется тем, что «Колдун» будет исполнять свои обязанности не только в силу усвоенной тренировки, но будет энергично охранять мою безопасность, водить меня в обход луж и не допускать, чтобы я наткался на фонарные столбы и почтовые ящики.

Обычно этот контакт между курсантом-слепцом и собакой устанавливается спустя три недели. В некоторых случаях он никогда не устанавливается, и это значит, что слепого постигла неудача.

Жизнь на курсах «Видящего глаза» шла напряженным темпом. Мы вставали без четверти шесть, чтобы вывести собак на утреннюю прогулку. После этого мы с большим аппетитом принимались за завтрак. К восьми часам мы уже гуляли по улицам, беря практические уроки пара-

ми, под руководством инструктора.

За вторым завтраком мы обязательно приводили к столу своих собак, ибо это входило в тренировочную программу. Собаки должны были лежать у ног каждого совершенно неподвижно, ожидая команды. Но когда шестнадцать собак собиралось за одним столом, там очень часто возникали неожиданные взрывы. В час дня мы снова шли на улицу. Наш день кончался заключительной прогулкой с собаками, в восемь часов вечера.

По ночам, когда все собаки лежали привязанными к нашим койкам, также случалось не мало происшествий. Двух-трех псов пришлось отучить от того, чтобы поднимать лай при всяком движении одного из спящих.

Инструктору приходилось спать еще меньше, чем нам. То и дело ктонибудь из пациентов будил его, чтобы доложить, что одна собака сорвалась с цепи, и ее теперь нигде не найти, другая забралась в постель и не пускает туда пациента, третью надо учить проситься, и так далее.

ПРОВЕДЯ месяц на курсах «Видящего глаза», я понял, насколько несправедливо распро-

страненное мнение о том, что собаки не мыслят. Если мысль означает способность рассуждать, иметь мнение и хранить воспоминания, то собаки безусловно мыслят. Собаки способны сознавать свою ответственность и сообразно с этим рассуждать.

Кстати сказать, общество «Видящий глаз» отнюдь не предъявляет требований чистопородности. Очень многие животные весьма сомнительных кровей отлично усваивают свое искусство.

Главное требование к собаке-поводырю это — смысленность. Часто спрашивают, понимают ли собаки, что их хозяева не видят. Сотрудники общества твердо знают, что собака различает между слепым и зрячим. Лежа на полу комнаты отдыха или столовой, такой пес не двинется, если вплотную мимо него пройдет зрячий человек. Но достаточно приблизиться слепцу, как собака поджимает лапы, или молча перебирается на другое место.

В начале, когда «Колдун» убедился в том, что я не вижу, его отношение ко мне из равнодушного превратилось в нечто еще худшее. Это открыло перед ним возможность пускаться на всевозможные трюки.

Он, например, заметил, что

только коснувшись края тротуара, я знаю, что квартал кончился. Достаточно ему было, не доходя мостовой, аккуратно свернуть на другую улицу, чтобы завести меня на теплую станцию автобуса или подвести к автомобилю, в котором нас доставили из здания курсов, и тем самым сэкономить для себя целый час тренировочной прогулки.

ЭТИ трюки «Колдуна» были критической точкой в моем собственном обучении. У моих товарищей начинались такие же недоразумения; мы испытывали разочарование, и настроение у всех нас испортилось. Но инструктор прекрасно знал, что происходит. Настало время призвать животных к строгой дисциплине.

До сих пор нам разрешалось пользоваться лишь выражениями мягкого устного упрека, хотя в то—же время от нас требовали, чтобы мы громко и подчеркнуто хвалили собак за хорошую службу. Но на этой стадии мы стали сопровождать слова команды действиями — соответствующим движением поводка.

Это не было наказание. Собак-поводырей никогда не наказыв-

ают, но только поправляют. Этот метод должен применяться мгновенно, как только хозяин осознал, что собака ведет себя неправильно. Когда же животное снова делает свое дело правильно, его надо непременно похвалить.

Что именно побуждает собаку принять на себя всю полноту ответственности,—просто непостижимо. В один прекрасный день собака укладывается под койкой своего хозяина на курсах «Видящего глаза», еще лишенная этого инстинкта, а наутро она просыпается, обретя его.

Начиная с этой минуты, хозяин может быть спокоен. Он может уверенно переходить любую улицу и пробираться через самый густой людской поток. Период обучения слепца, не считая еще некоторых технических деталей, окончен. Он может возвращаться домой.

Выпуск на курсах «Видящего глаза» происходит так же просто, как и прием на курсы. Никаких дипломов окончившим не выдают. Мы лишь отправляемся в контору для учинения расчета.

По существу собака достается нам даром, ибо ее цена в шесть—семь раз больше, чем сумма нашего счета. Но курсантам об-

этом ничего не говорят. Стоимость обучения фактически лишь номинальная, а для ветеранов войны составляет только один доллар. Для малоимущих допускается рассрочка.

Несмотря на наличие постоянного списка ожидающих кандидатов, обществу удастся удовлетворить заявки слепых мужчин и женщин, которые имеют право на получение собаки-поводыря. Такое право имеют все слепые в возрасте до пятидесяти пяти лет, и притом любящие собак.

ТЕПЕРЬ «Колдун» моя собака, вернее, я—тот человек, который принадлежит «Колдуну». Вместе с тем я не могу сказать, чтобы он относился ко мне с безропотным обожанием. Он тре-

бует регулярной пищи, а если мне случится задержаться в гостях, он, не колеблясь, дает мне знать, что пора домой.

Когда на меня нападают вспышки гнева, он спокойно сидит и ждет, пока буря уляжется. По какой то непостижимой причине он обожает пивнушки и отнюдь не способствует укреплению моей репутации, когда время от времени, без каких-либо приказаний с моей стороны, сворачивает в одно из таких заведений.

Иногда прохожие еще пытаются помочь мне пересечь улицу, и мы вежливо их благодарим. Но на самом деле их помощь мне больше не нужна. Ибо «Колдун» вернул мне то, что я ценю больше всего—мою независимость.

Радио-телефон на поездах

Одно из американских нововведений—радио-телефонное сообщение между транспортными единицами и их базами. Недавно такое устройство испытывалось на железнодорожной линии Калифорния-Чикаго, протяжением в 3.500 километров. По этому маршруту был пущен оборудованный радио-телефоном 70-вагонный состав. В пути радио-телефон работал безотказно. В этом случае применялась система сверхвысокочастотная с переменной амплитудой. В обоих концах были установлены: ручной телефон, громкоговоритель, мало-мощный передатчик, приемник супер-гетеродин.

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ В АМЕРИКЕ

ФРАНК С. ГИББЕН

Франк Гиббен, в течение ряда лет занимал кафедру антропологии в университете штата Новая Мексика. В настоящее время он служит в военно-морском флоте. В этой статье, перепечатанной из журнала «Харперс мегезин», он описывает также свою экспедицию на Аляску.

ЭТО случилось в 1927 году в Новой Мексике. Вдоль неровного края крутого оврага ехал верхом ковбой.

Внезапно он увидел на другой стороне нечто, обратившее на себя его внимание. В лучах заходящего солнца ясно вырисовывались очертания костей, осколков кремня, выступавших из

нижних слоев размытого склона оврага.

Если бы ковбой проскакал тогда мимо, не остановившись, — мы, может быть, никогда не узнали бы о первых людях, пришедших в Северную Америку. Но ковбой остановился, а потом рассказал о виденном. Эта весть по-немногу распространилась, и в 1929 году большая группа ученых прибыла на место, чтобы произвести обследование.

Мнение историков, геологов и археологов на этот раз было единодушным. В этом овраге перед ними открылись следы человека, появившегося в Северной Америке задолго до того, чем это было принято думать раньше.

Здесь, в Новой Мексике, было найдено неопровержимое доказательство того, что какая то ловкая человеческая рука убила бизонов уже пятнадцать тысяч лет тому назад.

НАЙДЕННЫЕ ковбоем кости принадлежали к ныне уже вымершему виду крупного животного с прямыми рогами, похожего на бизона. Рядом с костями находились и обломки кремня, носившие явные следы обработки человеческими руками.

Эти каменные, тщательно обработанные наконечники напоминали по виду лезвие штыка с желобками по обеим сторонам. Не было никакого сомнения, что с помощью именно этого оружия было убито животное, кости которого лежали теперь попеременно с наконечниками.

Раскопки получили название фольсомских, по имени близлежащего городка Фольсома. Наконечники тоже стали известны как фольсомские и, несмотря на свои незначительные размеры, были признаны одной из самых ценных археологических находок.

Благодаря этому открытию начало истории Нового света мгновенно отодвинулось на 15-20 тысяч лет в глубь времен. За ты-

сячи лет до существования древних южно-американских народов инков, майя, ацтеков и пуэбло здесь уже жили люди. После раскопок в Фольсоме американские и европейские ученые начали искать новых данных о раннем населении Америки.

СЛЕДЫ переселения народов обычно сперва обнаруживаются, а затем прослеживаются до своих источников. Так произошло и в этом случае. В дальнейшем пришли вести об аналогичных находках из восточного Колорадо и из Вайоминга, которые привели к новым открытиям. Были обнаружены новые стоянки человека, в частности в восточной части Новой Мексикки и на возвышенностях Техаса и Оклахомы.

В начале тридцатых годов нынешнего столетия доктор Хауард, научный работник Пенсильванского университета, нашел вблизи городка Кловиса, в Новой Мексике, следы стоянки фольсомского человека, который охотился не только на бизонов, но также и на верблюдов, лошадей и мамонтов. Человеческое поселение в Кловисе по размеру было очень значительным, и произведенные там раскопки тяну-

тся на несколько сот метров.

Собрав все свидетельства едино, ученые пришли к заключению, что фольсомский человек занимался охотой на территории, граничащей на востоке со Скалистыми горами, на юге с Мексикой и на севере с канадскими провинциями Саскачеван и Альберта.

О ЖИЗНИ этих первобытных людей стало известно много подробностей. Они занимались охотой и кочевали по равнинам Запада, особенно богатым дичью. Передвигаться они предпочитали небольшими группами, останавливаясь на берегах ручьев, рек и озер.

В одних местах главную их пищу составлял небольшой верблюд, походивший на ламу. В других районах они убивали водившихся в этот период лошадей, которые много тысяч лет тому назад бродили в этих краях бесчисленными стадами. Но чаще всего фольсомский человек охотился на пряморогого бизона. Нередко фольсомские наконечники находили рядом с останками мамонтов.

Фольсомский человек умел пользоваться огнем, на котором он иногда готовил свою пищу.

Главным его оружием был кремневый нож, который он выделывал так же искусно, как наконечники своих копий.

Для татуировки он пользовался мелкими осколками кремня, имевшими форму иглки, которыми он, повидимому, прокалывал себе кожу, после чего втирал в ранки сажу.

Был найден и еще один вид кремневого оружия, с помощью которого со шкур животных соскребалась мяздра. Шкуры употреблялись, повидимому, для изготовления одежды и, возможно, как подстилка для сна.

Таким образом, по простым кремневым осколкам мы можем восстановить картины быта фольсомского человека. Мы можем представить себе, как он прикрывал тело верблюжьей или конской шкурой, отправлялся на охоту, вооружившись двумя-тремя копьями и привязав к телу мешок, и мы знаем, приблизительно, как он охотился.

Но нам ничего неизвестно о самом главном—как выглядел этот человек. Несмотря на упорные поиски, мы до сих пор все еще не обнаружили никаких останков самого фольсомского человека. Но если даже у нас еще и нет скелета фольсомского человека,

это не доказывает, что мы сбились со следа.

КРЕМНЕВЫЕ наконечники, которые этот охотник насаживал на свои копыя, изготовлены с большим искусством, и, как уже указывалось, по сторонам наконечника сделаны желобки. Сила его проникновения приблизительно вчетверо больше, чем обыкновенной стрелы для лука, которой индейцы стали пользоваться много тысяч лет спустя.

Конечно, деревянная часть фольсомского копья не сохранилась до наших времен, но по форме наконечника можно довольно верно представить себе, как человек пользовался этим оружием. Это были легкие металлические копыя, в противоположность тяжелым копыям, которыми кололи, не выпуская их из рук, в средние века в Европе.

Фольсомский человек пользовался для метания остроумным приспособлением вроде древнего русского самострела, изготовленным из куска дерева, с зарубкой на одном конце и рукоятью на другом. С помощью такого приспособления можно метнуть копьё с большой ловкостью на дистанцию ста метров. Такое

снаряжение уже далеко от примитивности.

ИТАК, история фольсомского человека оставалась и без начала, и без конца. Пока эта проблема ждала своего разрешения, произошло новое событие. Несколько лет тому назад один студент университета Новой Мексики занялся в виде воскресного развлечения исследованием пещер у Альбукерка.

В один достопамятный день он принес с собой в университет коробку из под сигар, наполненную найденными им в пещере предметами. Заинтересовавшись находкой, местный музей принял обследование и других пещер в той же местности.

Однажды один из участников, рассматривавший при свете электрического фонарика стену пещеры, вдруг заметил странного вида кость. Это оказался коготь гигантского медведя, исчезнувшего много тысяч лет назад. В той же пещере были найдены и некоторые следы человеческого пребывания.

В ПРОДОЛЖЕНИЕ следующих четырех лет университет Новой Мексики продолжал исследование этой пещеры, назван-

ной Сандия, по имени горы, в которой она расположена. Находки в Сандии ничего не рассказали о самом фольсомском человеке. Но вскоре были открыты следы еще более раннего человека.

Глубоко под первой пещерой, пол которой был усеян остатками пребывания фольсомского человека, была обнаружена еще одна пещера. Их разделял слой почвы, видимо соответствовавший громадному промежутку времени между существованием одной и другой пещеры. В нижней пещере, относившейся к более ранней эпохе, также были обнаружены обильные следы человека.

Тут были найдены обломки кремня, следы очагов, закопченные камни, точно заточенные кусочки костей, а главное—множество костей ископаемых. Обнаруженные поблизости от них наконечники копий напоминали фольсомские, но по форме несколько отличались от них.

Перед нами, следовательно, был человек, бродивший по этим равнинам и горам и охотившийся на мамонта, лошадь и верблюда задолго до фольсомского человека.

Но и находки в Сандии не

ответили на вопрос о происхождении этого раннего охотничьего племени. Ответ на него неожиданно был получен в одной лавке редкостей в Кетчикане, на Аляске. Там, на одной из пыльных полок валялся кремневый наконечник. Никто не обращал внимания на этот запылившийся предмет, который долго валялся среди группы эскимосских кремней и плетеных изделий и других примитивных реликвий индейцев.

И только несколько лет тому назад мы набрали на кремневый наконечник, извлекли его с волнением на свет божий, сдули с него пыль и спросили изумленного хозяина лавки, откуда он его достал. Не в пример другим антикварам, этот житель Аляски, проникнутый глубоким интересом к своему краю, помнил происхождение продаваемых им вещей.—Конечно, помню. Игг Джонсон из Сельдовии нашел его на северном берегу бухты Кука.

ПРИСУТСТВИЕ фольсомского наконечника на Аляске могло означать только одно: что здесь прошел фольсомский человек. Аляска расположена очень близко к северо-восточной оконечности Сибири. Если бы уда-

лось доказать, что фольсомский человек пришел из глубин Сибири, это было бы ответом на один из самых животрепещущих для нас вопросов.

В 1941 году мы снарядили экспедицию на Аляску, отплывшую на маленьком зафрахтованном в Сиэтле судне. Целью ее было исследовать передвижение первобытного обитателя Америки. На протяжении всего пути вдоль побережья Британской Колумбии и в каждом аляскинском порту, где только наш пароход останавливался, мы расспрашивали всех, кто нам встречался.

Старатели, охотники, индейцы и вообще все коренные жители Аляски, которых нам удалось расспросить придерживались мнения, что если мы интересуемся костями ископаемых, нам надо отправляться в Фербэнкс.

Мы решили произвести первое углубленное обследование в районе Фербэнкса.

НАШИ надежды оправдались. Прорывая пласты геологических отложений, покрывающих большую часть Северной Аляски, старатели наткнулись на огромные залежи костей ископаемых. Не надо было быть специалистом, чтобы определить, что это были

кости животных ныне уже не существующих, по крайней мере на Аляске.

Пласт этот состоит из промерзшего черного ила; уже на глубине одного метра начинается слой вечной мерзлоты. Происхождение его довольно неясное, но по всей вероятности он состоит главным образом из наносов пыли и мелких частиц выветриваемых пород; и образовался он много тысяч лет тому назад, когда долина Юкона была еще окружена ледниками. В этих наносах встречаются крепко промерзшие остатки животных и растений.

В продолжение трех недель мы были поглощены обследованием приисков в районе Фербэнкса. Мы были поражены громадным количеством костей, прекрасно сохранившихся, благодаря холоду, все эти тысячи лет. На некоторых костях еще сохранились куски мяса.

Мы решили во что бы то ни стало отведать почерневшее, мерзлое мясо мамонта. Ткань его была темная, крупно-волокнистая, но повидимому вполне сохранившаяся. Приготовили мы его довольно примитивным образом; в варенном виде оно имело вкус смеси песка с илом.

ОСТАТКИ млекопитающих в этом районе оказались столь обильными, что мы были в некотором затруднении, как отыскать между ними остатки человека. Животные эти принадлежали к тем же видам, что и животные, на которые первобытный человек охотился в Новой Мексике, при таком обилии дичи казалось невероятным не найти никакого следа охотника.

И мы дождались. Как-то раз, окончив помогать нашим палеонтологам в их работе по составлению черепа и челюстей одного великолепнейшего экземпляра льва, мы попросили одного из наших работников промыть струей воды часть почвенного пласта, где мы рассчитывали найти другие кости льва.

По мере того, как пласт размывался и с него стекала мутная вода, мы вдруг увидели то, чего мы искали—твердо вмержший в землю наконечник из розового кремня, вне всякого сомнения изготовленный рукой человека. Мы сейчас же признали его фольсомскую форму. Находился он на расстоянии лишь одного метра от костей льва. Место это лежало метров на двадцать пять ниже поверхности земли. У нас теперь было доказатель-

ство того, что по меньшей мере один человек видел своими глазами все эти огромные стада животных.

МЫ нашли один наконечник, и нам сейчас же захотелось найти и другие. Но и этот единственный, найденный нами небольшой кремневый осколок, однако, лежал под огромным пластом почвы. Но как бы-то ни было, здесь перед нами был такой же кремневый наконечник, как и тот, что мы нашли в лавке редкостей в Кетчикане, тот самый наконечник, из-за которого мы проделали путешествие на Аляску. Теперь нам предстояло разыскать Игла Джонсона.

Игл Джонсон жил в Сельдовии, маленьком рыбацьем городке на полуострове Кенай. Не доезжая до Сельдовии, нашему пароходу пришлось искать убежища от налетевшего шторма. Мы вошли в небольшую бухту полуострова Кенай, известную под названием Дикс Хол. В полумраке разразившейся бури мы бросили якорь рядом с укрывшейся там же небольшой рыбацьею шхуной. Мы сразу приступили к расспросам. Ответ не заставил себя ждать.

—Игл Джонсон? Да он уже года два как умер.

ИГЛ ДЖОНСОН умер! Единственный человек во всей Аляске, который мог бы указать нам, где найти следы пришествия фольсомского человека!

Рыбак тем временем продолжал:

—Ну, если вы так этим интересуетесь, то я могу сказать вам, что, как мне помнится, Игл Джонсон находил множество кремневых наконечников и костей в заливе Чинитна.

Мы с трудом могли дождаться, когда, штурм, наконец, уляжется, чтобы немедленно отправиться на другую сторону залива Кука в бухту Чинитна.

Добравшись до Чинитны, мы, не теряя времени, высадились на скалах вулканического происхождения, расположенных у самого входа в эту, не отмеченную на картах, бухту. По некоторым признакам на берегу, можно было заключить, что иногда сюда заезжали за пресной водой рыбаки.

Как только мы вступили на сушу и вытащили на глинистый берег свою шлюпку, мы почувствовали прилив надежды.

ЕДВА мы успели отойти немного от лодки, как сразу натолкнулись на кремневый на-

конечник, потом еще на один, и еще на один, и еще. Высокие приливы и резкие ветры не раз забирались в бухту, и восточный берег ее был размыв и разрушен намного выше нормального уровня приливов, вследствие чего в глубине бухты образовалась гряда обломков разрушающихся геологических пород, из которых выступали кости, куски промерзшего дерева, кремневые осколки.

Дальше шла коса, в результате дальнейшего процесса размывания и выветривания оказавшаяся также усеянной всякого рода археологическими ценностями. Наконец то мы добрались до нужного нам места!

Ночью опять налетел шторм. В продолжение трех суток жесточно дул ветер и не переставая шел дождь и заливал наше суденышко. На четвертый день мы с большим трудом сошли опять на берег, но смогли остаться там очень недолго. Все места, где мы в прошлый раз останавливались, копали, были в наше отсутствие тщательно обнюханы огромным медведем и взрыты его мощными когтями.

Гневу этого животного мы обязаны тем, что из твердой почвы на поверхность оказалось извле-

ченным много интересного. Но мы несколько побаивались, что медведь вернется и застанет нас в разгаре наших раскопок.

ПРОСТОЯВ на якоре в Чинитне всего только неделю, мы поняли, почему фольсомский человек не осел в этих местах, несмотря на изобилие здесь зверя. Шторм налетал за штормом. На нашем судне было поломано все, что выдавалось над поверхностью палубы. Наконец, преследуемые разбушевавшимися стихиями, мы вынуждены были покинуть негостеприимную бухту, увозя с собой всего несколько снимков и небольшую коллекцию образцов находок.

У нас все же было в руках окончательное доказательство пребывания здесь фольсомского человека. Уже не вызывало ни-

какого сомнения, что бухта Чинитна была одним из первых пунктов его появления на американском материке. Фольсомский человек пришел через Берингов пролив из Сибири, следом за стадами животных, кости которых покоились теперь в слое вечной мерзлоты.

ОСТАВЛЯЯ Чинитну ветрам и дождям, мы мечтали, что в один прекрасный день где-нибудь среди геологических наносов нам удастся найти не только скелет, но и полностью сохранившееся тело самого фольсомского человека.

Вскоре пришла война. Немедленно по ее окончании мы надеемся возобновить наши изыскания на пути, пройденном фольсомским человеком, который первым населил Америку.

Бомбы для насекомых

Все американские экспедиционные части снабжены так называемыми «бомбами для насекомых», начиненными химическим составом для борьбы с насекомыми. После войны это изобретение будет широко применяться в сельском хозяйстве. Это простой механический разбрызгиватель, при помощи которого можно легко избавиться от мух, комаров, муравьев, ос и от других насекомых.

СТИВЕН ФОСТЕР—АМЕРИКАНСКИЙ ТРУБАДУР

ДЖОН ТАСКЕР ГОВАРД

Стивен Фостер умер 80 лет тому назад, но его простые песни живут и поныне, являясь неотъемлемой частью американской музыки.

КОГДА американская молодежь поет у костра, или дружеская компания собирается у рояля, или женщина, делая свою домашнюю работу, мурлычет про себя песенку, — они поют чаще всего «Старый черный Джо», «Светлокудрая Дженни», «Мой старый дом в Кентукки», «Старики на родине», либо одну из многих других песенок Стивена Фостера. Эти песни выдержали испытание вре-

мени и стали частью народной музыки Соединенных Штатов.

В свое время песенки Фостера хотя и распевались всей страной, но считались лишь модными романсами, которые будут скоро забыты. Теперь же они признаны подлинным выражением народного быта. Фостер почувствовал всю красочность и выразительность народной жизни и дал ей голос непосредственный и непринужденный. В его песенках также отразились душевные свойства автора, и в этом смысле они являются подлинно творческими произведениями.

Тем, кто знает творчество Фо-

стера, нетрудно понять и его самого. Его лучшие лирические произведения проникнуты идеей домашнего очага. Любовь к дому, к родителям, братьям и сестрам была его самым сильным чувством. Залихватские энергичные «О, Сусанна» и «Скачки в Декамштоне» отражают другую сторону его характера—веселость, живость, жизнерадостность.

ФОСТЕР родился в 1826 году в культурной семье, жившей в достатке. Из десяти детей он был девятым. Это была дружная и тесная семья, которая хотя и не понимала его, но никогда не переставала любить своего «мечтательного гения».

Семейное предание говорит, что когда Стивену было всего два года, он любил ложиться на пол с гитарой своей сестры и подбирать на ней мелодии. Он легко учился и был послушным и тихим ребенком, но, тяготясь строгой школьной дисциплиной, часто убегал в лес, где одиноко и задумчиво бродил со своими книжками.

Если бы родители Фостера знали о детях то, чему теперь учат современные психологи, возможно они поняли бы, что мечтательное безделье его юности

было лишь доказательством скрытого в нем таланта. Но в то время музыка в его среде не считалась настоящей профессией, и родным не пришло в голову, что мальчику следовало бы заниматься ею серьезно. Его музыкальное дарование, в соединении с профессиональной подготовкой, выдвинуло бы его в ряды композиторов, чьи имена стоят в программах симфонических концертов, а не в народных песенниках.

СЕМЬЯ Фостера определила его в пансион, но он так затосковал по дому, что уже через несколько дней его пришлось взять оттуда. После этого он мало учился. Стивену было 15 лет, когда его «Вальс Тиога» был сыгран публично—это было первое исполнение его произведения, отмеченное печатью. До своей преждевременной смерти, — а умер он 38 лет отроду,—он написал более двухсот песен. Его брат Моррисон Фостер рассказывает, как Стивен «по вечерам, сидя у рояля, часами импровизировал прекрасные мелодии и напевы, которые он не записывал, но оставлял плыть, словно ароматные цветы, брошенные на зыбкую воду».

Жизнь Стивена Фостера была

до странности бедна приключениями. Помимо сочинения песен он никогда серьезно не занимался никакой профессией и не имел никаких сильных увлечений, кроме музыки. Впрочем, музыка давала ему приличный заработок.

АВТОР столько песен в негритянском стиле сам никогда не жил на юге и не имел случая лично наблюдать его быт. Веяния юга ему приносили речные пароходы, приходившие в Питтсбург и в Цинциннати—города центрально-восточного района США, где Фостер прожил большую часть своей жизни.

Еще сильнее было влияние на него бродячих певцов и клоунов—«трубадуров». Кочующие труппы эти были очень популярны в дни Фостера и сохранили свою популярность в Америке почти до наших дней. Американские «трубадуры»—это белые артисты, которые замазывали лицо черной краской, пели, танцевали и каламбурили, карикатурно утрируя негритянские особенности. Большая часть произведений Фостера была написана для таких «трубадуров». Его сентиментальные мелодии и веселые баллады создали новый музыкальный жанр.

Способность Фостера пользоваться материалом, самому ему непосредственно неизвестным, лучше всего может быть охарактеризована следующим анекдотом. Его брат Моррисон вспоминает, как было выбрано название для реки в песенке «Старики на родине». Как-то Фостер пришел в контору к брату и попросил его:—Дай мне хорошее название, в два слога, какойнибудь южной реки.

Моррисон посоветовал «Язу» и «Педи», которые были сразу забракованы. Тогда они взяли атлас и, внимательно исследовав карту Америки, обнаружили маленькую реченку «Суванну», впадавшую в Мексиканский залив.

—Это то, что нужно! — воскликнул Фостер.

Он тут же переделал название речушки в необходимое ему двухсложное слово, и «Река Свани» сделалась бессмертной, благодаря одной из самых популярных во всем мире песен Фостера.

ВОЗМОЖНО, что ни одна из американских народных мелодий, даже «Дом, милый дом» Джона Говарда, не перепечатывалась так часто, не входила в такое множество сборников и не пелась столькими американскими

семьями, как «Старики на родине». Простая песенка, полная тоски по родному краю, затронула чувства, знакомые каждому. Быть может ее гениальность заключалась именно в том, что она искренне выражала душу и чувства самого Фостера. Это была сентиментальная вещь на негритянском жаргоне для репертуара бродячих трубадуров. Но это не помешало ему вложить в «Старики на родине» ту любовь ко всему родному, которой было полно все его существо.

Если бы эта песенка не была высоким произведением искусства, ее музыкальная форма показалась бы монотонной. Вступительная фраза мелодии повторяется пять раз в каждом куплете с припевом, но с каждым повторением фраза эта кажется все прекраснее, и в конце песни она звучит грандиозным, покоряющим слушателей аккордом. Возможно, что технику эту Фостер, сознательно или бессознательно, заимствовал из духовных напевов американских негров, ритмические повторения которых так незабываемо выражают то глубокую печаль, то большую радость. Как бы то ни было, песня эта завоевала себе совершенно исключительную популярность.

НА совершенно противоположном конце «радуги настроений» стоит «О, Сусанна». Ее ритм оказался настолько заразительным, что ее пела вся Америка. Затем она перекочевала в другие страны и была переведена на множество иностранных языков. Один путешественник в 1853 году писал о бродячем индусе-музыканте, который пел «О, Сусанна» в Дели.

Это была в самом деле истинно американская песня. Когда в 1849 году предприимчивые американские переселенцы, погрузив свои пожитки и семьи в крытые фургоны, ушли в дальний путь по еще неисследованному континенту в Западную Калифорнию, их любимой песней была все та же «О, Сусанна». Слова этой песни представляют собой полную бессмыслицу. Противоречия и шарж типичны для юмора американских пионеров и всего фольклора.

«В день отъезда шел дождик
всю ночь,

А погода была сухой.

Солнце жгло так, что я замерз...

О, Сусанна, не стони.»

Затем идет припев, слова и музыка которого побуждают каж-

дого сразу подхватить хором.

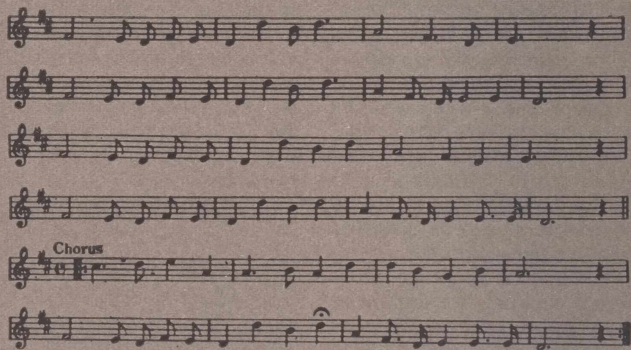
«О, Сусанна, не плачь ты
надо мной

Я из Алабамы, с моим
банджо за спиной».

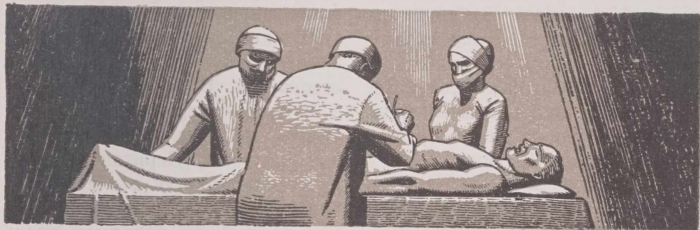
ЖИЗНЬ Фостера, при всей огромной популярности его произведений, закончилась трагически. Его женитьба на Дженн Макдоуелл, воспетой им в романсе «Светлокудрая Дженни», была несчастна. Быть может его жена была слишком земной и мелочной для темперамента по-

эта. Или, быть может, войдя в семью Фостера, она увидела, что родные занимают первое место в его сердце. Они расстались, когда Стивен Фостер, за четыре года до своей смерти, переселился в Нью-Йорк. Умер он в 1864 году.

Все, кто знал Стивена Фостера, говорят о его застенчивом дружелюбии, благородстве и доброте. Все низменное было так же чуждо его натуре, как фальш его музыке. Восемьдесят лет прошло после его смерти, а песни его будят чувства людей с прежней силой.

Музыка к песне «Старики на родине»

ОПТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ В МЕДИЦИНЕ

ДОКТОР РОБЕРТ ФЕЛД

Из журнала «Американ Меркюри»

В МЕДИЦИНСКОМ обиходе появилось два новых оптических инструмента, позволивших осуществить такие чудеса диагноза, о каких еще лет десять тому назад не приходилось и мечтать. Один из них—перитонеоскоп—дал возможность наполовину повысить точность диагноза при заболевании брюшины. Другой инструмент—гастро-скоп—сулит возможность уменьшить ужасающе высокую норму смертности от рака желудка.

Перитонеоскоп представляет собой трубку, длиною в два карандаша, с установленной в одном конце миниатюрной электри-

ческой лампочкой. При помощи этой трубки врач непосредственно исследует глазом брюшную полость. Инструмент вводится через очень небольшой надрез в наружных покровах, причем требуется только местная анестезия. Чтобы облегчить последующую манипуляцию с инструментом, в брюшную полость предварительно накачивается воздух, который ее раздувает. Передвигая перитонеоскоп в разных направлениях, хирург в течение какого-нибудь часа досконально исследует всю полость. Затем воздух выпускается сквозь инструмент, после чего надрез, через

который вводился инструмент, зашивается одним стежком. Исследование перитонеоскопом несложно, не слишком беспокоит пациента и может применяться без всякого риска на детях, стариках и тяжело больных.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕМ перитонеоскопа мы обязаны доктору Джону Рэддоку из университета Южной Калифорнии. Первые опыты оптического исследования брюшной полости были сделаны при помощи цистоскопа — инструмента, который тоже вводился в тело через небольшой надрез. Результаты применения цистоскопа оказались, однако, недостаточно удовлетворительными.

Десять лет тому назад доктор Рэддок значительно усовершенствовал инструмент, и с тех пор перитонеоскоп вошел в широкое употребление. Поставленные с его помощью диагнозы насчитываются уже тысячами. По сообщению Рэддока, точность этих диагнозов достигает 94 случая на сто. Другие медики сообщают, что благодаря применению перитонеоскопа необходимость операций сократилась приблизительно на одну треть. Перитонеоскоп получает теперь все более и

более широкое распространение.

Техника этого метода продолжает развиваться и совершенствоваться. В настоящее время с помощью перитонеоскопа делаются цветные снимки брюшной полости. Перитонеоскопом пользуются иногда и с прямыми хирургическими целями: через этот инструмент, например, иногда можно выкачать гной при абсцессе; небольшие сращения могут быть легко и быстро разъединены с помощью миниатюрной электро-иглы для прижигания, вставленной в перитонеоскоп.

СУЩЕСТВУЕТ целый ряд болезней, в постановке диагноза которых перитонеоскоп никогда не сможет заменить исследовательскую хирургию. Зато в случаях рака, болезней желчного и мочевого пузырей, кисты, перитонита, аппендицита и бесплодия перитонеоскоп позволяет предупредить необходимость операций, что уже не раз доказано на практике.

Исследование желудка гастроскопом столь несложно, что пациенту не приходится даже ложиться в больницу. Полость рта и горло больного подвергаются местной анестезии, после чего

гастроскоп вводится в пищевод так же просто как зонд, которым обычно пользуются при исследованиях желудка.

ВПЕРВЫЕ гастроскоп начали применять 75 лет тому назад. Тогда это была очень мучительная процедура: применявшиеся зонды не были гибкими, и их приходилось с трудом вводить в горло больного. Был риск прободения стенок желудка. Соответствующий своему назначению гастроскоп должен послушно следовать изгибам горла и пищевода, не причиняя при этом боли; нижняя половина инструмента должна быть эластичной, чтобы дать возможность всесторонне исследовать желудок.

В 1932 г. был изобретен гастроскоп, снабженный целой серией линз с коротким фокусным расстоянием и с лампочкой на конце, благодаря чему поле зрения не исчезает даже когда трубка находится в изогнутом положении.

Гастроскоп оказался очень ценным, в частности для определения рака желудка в ранних стадиях, когда он еще не обнаруживается рентгенолучами. Рак желудка излечим, если болезнь захватить во-время, но, к сожа-

лению, пока всего лишь около 15 процентов случаев рака обнаруживались достаточно своевременно, чтобы хирургическое вмешательство оказалось действительным.

ГАСТРОСКОП—это единственный инструмент, позволяющий ставить диагноз в случае хронического гастрита, который так часто приводит к раку желудка. Человек с хроническим гастритом более других подвержен заболеванию раком. При лечении простой язвы желудка гастроскоп позволяет обнаружить еще незажившие места даже когда явные симптомы болезни исчезают.

Точность диагноза, для достижения которой перитонеоскоп и гастроскоп оказались столь полезными, спасла уже немало человеческих жизней и способствовала прогрессу медицины.

Перитонеоскоп незаменим на войне. Иногда при ранении трудно определить задета ли пулей брюшная область. В некоторых случаях операция может быть опасной. Если же прободен кишечник, то раненого необходимо оперировать. Пользуясь перитонеоскопом можно избежать рискованной операции.

АМЕРИКАНЕЦ ЗА КНИГОЙ

ИШБЕЛЬ РОСС

В ОЙНА чрезвычайно расширила читательскую аудиторию в США. В настоящее время в Америке распространяется и читается книг больше, чем за всю историю нашей страны. Это книги серьезные по своему тону, отражающие различные стороны гигантской борьбы, в которую вовлечено человечество.

Выбор книг, как правило, свидетельствует о более глубоком и сознательном отношении читателя к миру в целом. Он показывает, что американец глубоко озабочен судьбами своих товарищей и борьбой за дело свободы во всем мире.

Объем книг, прочитанных за

последние годы, превосходит все, что знает история издательского дела в нашей стране за двести лет.

Новым значительным фактором, способствующим широкому распространению книги в США в настоящее время, являются карманные издания. Одно из издательств, выпускающих такие карманные издания, за один год распространило 38 миллионов экземпляров. Тем же форматом выпускаются специальные «Издания для военной авиации».

Уже отпечатано и подготовлено к отправке 42 миллиона книжек для экспедиционных войск, в том числе классики, популярные современные писатели, кни-

ги по истории, биографические повести, научная литература, поэзия и книжки по технике.

ЗА прошлый год общий тираж распространенных в Америке книг, включая карманные издания, составил 550 миллионов экземпляров. В эту цифру не входят миллионы книг, распространенных по всей стране через библиотеки.

За последние месяцы на первый план вышли книги, посвященные проблемам устройства жизни после войны; в эту отрасль книжного рынка входит литература, начиная от изложения взглядов политических деятелей и кончая сборниками подробных чертежей архитекторов-планировщиков и строителей.

В них дается обзор бесчисленных проблем международного общения людей и выдвигаются различные предложения о формах международного сотрудничества. Одни из них проникнуты духом мечтательности и идеалистическими концепциями, другие разрешают проблемы реалистически, сугубо практически. Но во всех книгах глубоко заложено основное представление о мире, построенном на демократических принципах.

ИЗ числа книг этой категории особенно широко читается книга «Время для решения» Сомнера Уеллеса, бывшего заместителя министра иностранных дел США. Другой научно-обоснованной книгой, анализирующей будущее в свете истории, является «Республика» Чарльза и Мери Бирд, авторов, обнаруживших реалистический подход к проблемам истории.

Под названием «Американская программа» продолжают выходить новые, посмертные издания книги Уенделя Уилки, чьи концепции еще сохранили свое влияние на читателя. Хотя эта книга представляет собой сборник его статей по вопросам внутренней политики, она в то же время отображает тот глубокий интернациональный идеализм, которым проникнута его книга «Мир один»; она останется попрежнему одной из наиболее широко читаемых книг в США.

Поток книг фронтовых корреспондентов уменьшается, хотя они попрежнему числятся в списках наиболее популярной литературы. Большинство таких книг написано красноречиво, с глубоким чувством и содержит описание эпизодов мужества и стойкости в бою. Они дают калейдоскопиче-

ский облик мира и повествуют о бесчисленных людских драмах. Сложенные вместе, они дают читателю возможность проникнуть духовным взором в нынешний ход истории, притом гораздо шире, чем если бы он прочел только одну из этих книг.

К числу последних изданий этой категории относится книга Эдгара Сноу «Народы, сражающиеся на нашей стороне», которую американцы читают с восторгом, так же как они читали его книгу «Красная звезда над Китаем», выпущенную в 1937 году, и «Битва за Азию», появившуюся в 1941 году. Сноу великолепным языком пишет о потрясающей борьбе России против нацистов.

В книге «Ленинград» Александр Уерт дает острую картину дней великой осады и героизма и смелости русского народа.

ПРОБЛЕМЫ будущего устройства воина, возвратившегося домой, служит темой многочисленных выходящих в настоящее время книг. Среди этих произведений особенно живой интерес вызвала книга «Когда Джони вернется домой» Диксона Уектора, профессора Калифорнийского университета, автора нескольких

книг. Этот труд представляет исторический анализ судьбы демобилизованного фронтовика.

Вышел также ряд книг, практически трактующих вопросы восстановления мирной жизни. Эта тема имеет огромное значение для миллионов семей во всех частях Соединенных Штатов, которые ждут возвращения своих мужчин.

В стороне от напряжения войны проходит литература так называемого регионального жанра. Эта литература живописует в историческом и романтическом аспекте, с сильным уклоном в область подвигов ранних пионеров, реки, великие озера, разные районы страны и города. Никогда еще среди американской молодежи не было так сильно, как теперь, желание познать корни своего народа.

Одним из проявлений этого литературного направления являются стипендии, учрежденные недавно на средства Рокфеллеровского фонда в университете Миннесоты, одного из великих земледельческих штатов Американского Запада. Эти стипендии даются авторам исторических книг, романов, пьес и радио-сценариев, посвященных Центральным Северо-Западным Штатам.

ЭТО течение коснулось также историко-биографических повестей и романов, прочно завоевавших любовь публики, а равно и книг, глубоко отображающих американские обычаи, подобно книге «Янки с Олимпа» Катрин Дринкер Боуен. Главным действующим лицом книги является Оливер Уенделл Холмс, один из членов семьи, известной своим вкладом в американскую литературу и юриспруденцию.

В книге «Мир Вашингтона Ирвинга» Ван Уик Брукс дает историко-биографический очерк одного из пионеров американской литературы, следуя своей литературной манере, известной по его прежним книгам «Расцвет Новой Англии», «Бабье лето в Новой Англии».

Библия и другие религиозные издания читаются в настоящее время более широко, чем за все минувшие полвека. Такие произведения, как «Песнь Бернадетты», «Ряса», «Апостол», принадлежат к наиболее популярным книгам современности.

НЕИЗМЕННО большую и постоянную аудиторию имеют такие знаменитые писатели, как Эптон Синклэр, Эрнст Хемингвей, Джон Стейнбек, Джон Дос Пассос.

Точно также велик спрос на поэтические сборники и короткие рассказы. Широко читаются книги, рассказывающие о России; среди них—«Сокровищница русской литературы», с предисловием Бернарда Гильберта Герни, знакомящая американских читателей не только с рядом классических произведений, но и с многочисленными русскими песнями, сказками, пословицами и стихами.

АМЕРИКАНСКИЕ дети также имеют богатый выбор. Те 40 миллионов экземпляров детских книг, которые были распространены в минувшем году, стоят на высоком уровне как по содержанию, так и по технике печати и иллюстраций.

Многие книги посвящены детям России и других Объединенных Наций. Эти книги по своему раскрывают окно в будущее. Их четкий стиль, основанный на простых реальностях, помогает распространить взаимопонимание, чувство благожелательности и демократические принципы, которые насущно нужны мальчикам и девочкам для того, чтобы, когда они подрастут, они смогли осуществить чаяния старших после войны.

ВИНСЛОУ ХОМЕР

ХУДОЖНИК-МАРИНИСТ

ВИНСЛОУ ХОМЕР родился в 1838 г. в Бостоне, в Новой Англии. Путь его к славе был тяжелый, но как и все истинные художники, он остался верен самому себе и по мере возможности не поддавался влиянию различных художественных школ. После его смерти в 1910 году французские художественные критики, высоко его ценившие, писали, что Хомер был—«первый подлинно-американский художник».

Хомер не получил законченного художественного образования. В юности он обучался литографскому делу; в 22-летнем возрасте, окончательно усвоив эту профессию, он стал сотрудником иллюстрированных журналов.

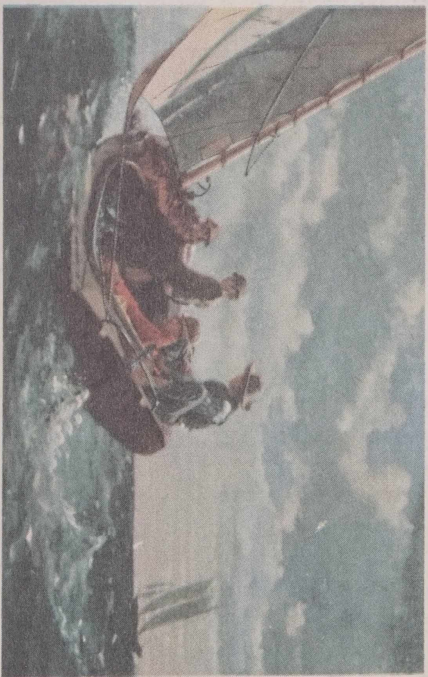
Но эта работа не удовлетворяла Хомера, и он отправился в Париж для изучения живописи. Хомер прожил год во Франции, не посещая никаких художественных школ и работая совершенно самостоятельно. Однажды, находясь на берегу моря среди рыбаков, Хомер вдруг понял, что море—самая близкая ему тема и с того момента до своей смерти почти

исключительно писал морские сюжеты.

В 1884 году Хомер построил себе дом на берегу моря в штате Мэне. Он поселился и жил там отшельником, усиленно работая и изучая природу. Иногда, по преимуществу зимой, он проводил целые месяцы на берегу Мексиканского залива, где писал красочные акварели тропической природы. Еще при жизни Хомер добился известности и мирового признания.

Хомер был реалистом, и его интересовала суровая жизнь Новой Англии—море, ветер, бури и кораблекрушения. Море представлялось ему живым существом, то другом, то врагом человека. Картины его отражают жизнь рыбаков и моряков.

На противоположной странице воспроизведена картина «Ветер с моря», написанная маслом. Картина очень характерна для творчества Хомера. На ней изображено спокойное море, но темная вода и небо в грозовых тучах придают ей силу и суровость, которыми дышат все лучшие полотна Хомера.

БЕТЕР С МОРЯ
КАРТИНА ВИНСЛОУ ХОМЕРА

CARTAS DE AMERICA

CARTAS DE AMERICA